
ОТ ВИЗАНТИИ ДО СТЕПИ

Карл фон дер Лоэ

МОГИЛЬНИК СКАЛИСТОЕ В КРЫМУ И РАННИЕ ФАЗЫ ЭТНОГЕНЕЗА КРЫМСКИХ ГОТОВ (КОНЕЦ IV — НАЧАЛО VI В.)¹

Karl von der Loe. The Cemetery Skalistoe in Crimea and Early Phases in the Ethnic Genesis of Crimean Goths (Late IV – Early VI cc.)

The article analyses finds on the site of cemetery in Skalistoe belonging to the epoch of the Great Migrations. The site is situated in Crimea, 20 km south-west of Simferopol. Owing to its continuous existence from late IV to early VIII c., as well as to the well expressed grouping of burials, this cemetery offers a unique possibility to reconstruct structural changes in the ethnic composition of Crimean population. The author considers its geographical situation and available records, the state of the matters in building Crimean chronology for the time of the Great Migrations and early Middle Ages, researches horizontal stratigraphy of the cemetery, distinguishes 4 phases of its development and provides their ethnic interpretation. The researcher makes a conclusion that the foundation of the cemetery in Skalistoe is due to two different ethnics – Sarmatians and Goths. Its further development, however, shows the process of unification of these two peoples, which is manifested in formation of a unified culture, both material and spiritual, including religious beliefs.

А. Вступление

Могильник в Скалистом был раскопан под руководством Е.В. Веймарна в 1958-1960 гг.; материалы изданы им совместно с А.И. Айбабиным (Веймарн, Айбабин 1993). Памятник является одним из первых полностью раскопанных некрополей Крыма. Благодаря своему непрерывному существованию с конца IV до начала VIII в., а также хорошо выраженной территориальной сгруппированности погребений, этот могильник предоставляет уникальную возможность реконструкции структурных изменений этнического состава населения Крыма (Bierbrauer, 1985: 10).

До издания материалов из Скалистого наибо-

лее известным могильником Крыма оставался могильник в Суук-Су, опубликованный уже в начале XX столетия (Репников 1906; 1907; 1909). Если учесть то обстоятельство, что могильники эпохи Великого переселения народов и раннего средневековья в Крыму раскапывались частично и материалы многих из них остаются недоступными для широкого круга исследователей², то в этом отношении материалы Скалистого становятся базовыми для изучения хронологии указанных периодов в истории Крыма. Предлагаемый ниже анализ некоторых проблем хронологии можно рассматривать в качестве первого шага в этом направлении. Результаты анализа в будущем могут быть сопоставлены и проверены с материалами таких больших могильников как Лучистое (Крым) и Дюрсо (Кубань)³.

¹ Данная статья написана на основании магистерской работы, которая была выполнена мною в 1995/96 гг. в университете Людвиг Максимилиана, Мюнхен. Пользуясь случаем, выражаю сердечную благодарность госпоже д-ру Г. Гомлка-Фухс (Берлин), господам проф. С. фон Шнурбайну (Франкфурт на Майне) и проф. И. Ионице (Яссы). Выражаю также свою благодарность господам д-ру Б. Анкэ (Берлин) и д-ру И. Корману (Кишинев), которые оказали мне всестороннюю помощь, особенно при обработке каталога. Особую благодарность хочу выразить моему учителю господину проф. Ф. Бирбрауэру, без поддержки которого выполнить данную работу было бы достаточно сложно.

² Например: Лобода 1976 (Ароматное); Лобода, Чорев 1974 (Бельбек); Кропоткин 1965 (Чуфут-Кале); Храпунов 1994 (Дружное); Айбабин 1991 (Эски-Кермен); Якобсон 1959 (Херсонес); Веймарн 1963 (Инкерман); Засецкая 1993 (Керчь); Айбабин 1995 (Лучистое); Лобода 1977 (Озерное); Борисова 1959 (Сахарная Головка); Корпусова 1973 (Заморское). См.: Айбабин 1990: 5-7.

³ Лучистое (более 700 комплексов, раскопки продолжаются); Айбабин 1995; Дюрсо (525 могил, раскопки завершены); Дмитриев 1982.

В. Географическое положение, состояние источников и методические замечания.

Могильник Скалистое находится в районе второй гряды Крымских гор к востоку от Бахчисарая и приблизительно в 20 км к юго-западу от Симферополя, между степной и горной частью Крыма. Из могильников IV — VIII вв. он является наиболее северным и лежит на окраине историко-археологической области Крыма, известной как «Готия»⁴.

В 1958 г. были открыты первые комплексы погребений при разработке каменоломен. Тогда же были организованы спасательные исследования, а также зафиксированы остатки полностью разрушенного, вероятно, синхронного ему поселения (Веймарн, Айбабин 1993)⁵. В течение 1959 и 1960 годов удалось исследовать 794 склепа (Веймарн, Айбабин 1993: 3), которые содержали более чем 1195 отдельных погребений⁶. По мнению исследователей, количество разрушенных карьером могил могло составить более 300⁷. К сожалению, в значительной части инвентарных погребений расположение вещей установить невозможно. С одной стороны, это объясняется разграблением могил в древности, а с другой — самим характером спасательных работ⁸. Учитывая плохое состояние источников, к анализу материала следует подходить очень осторожно, а многие выводы можно рассматривать только в качестве предварительных. Кроме того, реконструкции сопровождающего инвентаря во многих случаях можно рассматривать как недостаточно надежные. Принципиально трудна хронологическая оценка долговременных склепов, которые, по сути, являлись семейными усыпальницами. Как правило, они содержат до двух захоронений, реже три или четыре. В отдельных случаях следует предполагать, что склепы содержат погребения

трех поколений. Известны случаи дозахоронений⁹. Исключением являются погребения ранней фазы могильника, которые и являются предметом нашего исследования. Принимая во внимание «мешанный» характер инвентаря и ограниченное число качественных комплексов, наиболее приемлемым является метод горизонтальной хронологии («belegungschronologische Analyse»). Метод комбинационно-статистических таблиц (корреляционный) в данном случае едва ли возможен. Только анализ территориальных тенденций позволит зафиксировать пространственное развитие могильника, а вместе с тем и его временную структуру. Существенным является то обстоятельство, что в различные периоды функционирования могильника (конец IV — VIII вв.) захоронения совершались в нескольких отдельных ареалах. Поскольку пространственное развитие этих ареалов устанавливается совершенно отчетливо, то становится возможным анализ и общего развития могильника. Принципиальными для оценки относительной и абсолютной хронологии ранней фазы Скалистого являются данные датировок с других территорий, в частности, Среднего Дуная. Применение метода корреляционных таблиц, по причине плохого состояния источников развитого V в. (ступени D2 и D3), а также учитывая общее состояние публикации памятников Крыма, является практически невозможным¹⁰. Для периода с конца V в. до начала VII в. он приемлем для закрытых комплексов выразительных женских погребений могильника Суук-Су и необходим, принимая во внимание особенности инвентаря погребений Крыма (Репников 1906; 1907; 1909; Пудовин 1961: 181; Амброз 1995: 81, рис. 6: 5).

С. К вопросу о состоянии проблемы хронологии Крыма эпохи Великого переселения народов и раннего средневековья.

До сих пор для Крыма отсутствует приемлемая система точной хронологии. Тем не менее, разработанные Я.Тейралом и Ф.Бирбрауэром модели хронологии эпохи Великого переселе-

ния народов для Восточной Европы (ступени D1-D3) позволяют экстраполировать их на материалы Скалистого (Tejral 1988b; Bierbrauer 1991)¹¹. При этом не существует каких-либо со-

⁴ К вопросу о расположении ср. карту: Айбабин 1990: рис. 1.

⁵ К сожалению, ни в плане, ни в каталоге могильника масштаб не указан. Его приблизительные размеры можно рассчитать исходя из координатной сетки: 130 м по оси юг-север и 270 м по оси восток-запад.

⁶ Около 65% могил не содержат инвентаря. На планах могильника (карты 1-5) они обозначены черными значками.

⁷ На планах эти зоны обозначены точками.

⁸ Не понятно также, почему в публикации ни в иллюстрациях, ни в каталоге немногие закрытые комплексы не выделены. Публикацию огромного числа бус (9268 штук) следовало бы представить отдельно.

⁹ По данной проблеме важные наблюдения см. Айбабин 1990: 12.

¹⁰ Характерно, что Ф.Бирбрауэр в корреляционной таблице женских погребений с фибулами V в. смог использовать только материалы позднего IV в. и раннего V в. (D1), так как для последующей фазы (D2) практически не оказалось закрытых комплексов из Крыма (Bierbrauer 1991: 545, Abb. 4).

¹¹ Разработанная А.И.Айбабиным хронология (Айбабин 1979; 1982; 1984; 1985; 1987; 1990) основывается только на принципе типологической близости предметов. Кроме того, данная система не всегда жестко использует закрытые комплексы и не учитывает особенности женского и мужского инвентаря, которые имеют недостаточное количество признаков для комбинации. Поэтому эти результаты следует рассматривать очень критически.

мнений для определения абсолютной даты перехода от ступени C3b позднеимского времени к ступени D1 эпохи Великого переселения народов (Bierbrauer 1980: 132-138; Tejral 1986: 196-199; 1988a: 12-20; 1988b: 225; Bierbrauer 1991: 564; Tejral 1992: 235, 236, Anm. 2; обобщающая работа — Bierbrauer 1994: 117-121; и иначе — Kazanski, Legoux 1988; Kazanski 1992: 192-199). Использование ступеней D2 и D3, которые разработаны прежде всего для среднего Дуная, приемлемы из-за совпадения многих аспектов в развитии Подунавья и Крыма. Некоторые из этих проблем обсуждаются в данной статье, хотя и не столь подробно как заслуживает этого тема (Bierbrauer 1989: 144-147)¹².

Кроме того, существуют отклонения в проблеме датировок, и в частности, в датировке материала эпохи Великого переселения народов в хронологической модели, созданной А.К.Амброзом и дополненной А.И.Айбабиным. Отклонения в датировках материалов Крыма последней трети V в. по отношению к средне-европейским датам составляют, в частности, более чем 100 лет¹³. Причины этого можно было бы видеть в следующем.

Исключая немногие (к тому же редко закрытые комплексы) полностью или частично опубликованные материалы Лучистого и Херсонеса, до сих пор ощущается недостаток в пригодных для анализа материалах¹⁴. В этой связи исключительную роль для создания хронологии Крыма имел бы могильник Суук-Су. Исходя из неправильной хронологической оценки материалов Суук-Су, так называемый 1-й горизонт могильника в восточноевропейских исследованиях (работы В.К.Пудовина и Д.Чаллани) датируют с середины VI до середины VII в. (Пудовин 1961: 177-185; Csallany 1962: 73-76).¹⁵ Это определяет начало функционирования могильника приблизительно на 80 лет позже, чем на самом деле. Погребения могильника содержат не только материал развитого V в. (выразительные погребения с мо-

нетами второй трети V в. — середины VI в., что осталось без внимания исследователей), но и находки черняховской культуры IV — середины V в. (Амброс 1994: 76 и далее, рис. 1-3; 6-7; 10; Айбабин 1990: 11, 176-181).¹⁶

Тем не менее, главную причину не совсем удачной датировки материалов Суук-Су и в целом хронологии Крыма вероятнее всего усматривать в особенностях погребального обряда. Они связаны, прежде всего, со спецификой погребений готских мужчин, которые, как правило, не сопровождалась инвентарем, что особенно было характерно для конца V и первой половины VI в.¹⁷ Подтверждает это и анализ горизонтальной хронологии могильников Суук-Су и Лучистого. Оказывается, что в Скалистом для периода последней трети V и первой половины VI в. могут быть использованы лишь немногие инвентарные погребения, которые принадлежат женщинам. Погребения мужчин этого периода археологически не выражены. Именно в этой фазе начинает функционировать Суук-Су. По причине безынвентарности мужских погребений горизонтальная стратиграфия обоих могильников зависит от анализа очень унифицированного инвентаря погребений женщин. Эта ситуация (исходя из немногих датированных монетами комплексов) привела в восточноевропейских исследованиях к тезису о синхронности фибул из богатых женских погребений первой половины VI в. и византийской поясной гарнитуры из погребений мужчин второй половины VI в., которые в целом датировались второй половиной VI — первой половиной VII в. Здесь также отчетливо проявились методические слабости работы с проблематично закрытыми комплексами находок. По этой причине многократные подзахоронения в одном и том же склепе рассматриваются как единый «закрытый комплекс», в то время как, за исключением отдельных случаев, их следует рассматривать как комплекс хронологически последовательных погребений¹⁸.

Последствия подобных ошибочных методических и хронологических представлений особенно отчетливо проявляются при оценке византийских древностей. Вопреки хорошо разработанной относительной и абсолютной хро-

¹² О значении Крыма в развитии среднедунайских материалов см. Tejral 1988a: 36; Bierbrauer 1991: 562, 568; Tejral 1992: 238, Anm. 3.

¹³ Амброс 1968: 10-23; 1971a: 96-123; 1971b: 106-134; 1973a: 81-98; 1981: 10-23; 1982: 107-121; 1989: 6-19; последние работы — Амброс 1994: 31-88; Айбабин 1994: 132-142 (с категорическом подтверждением результатов А.К.Амброза). См. критику: Somogyi 1987: 137 и особенно Balint 1992: 395-401.

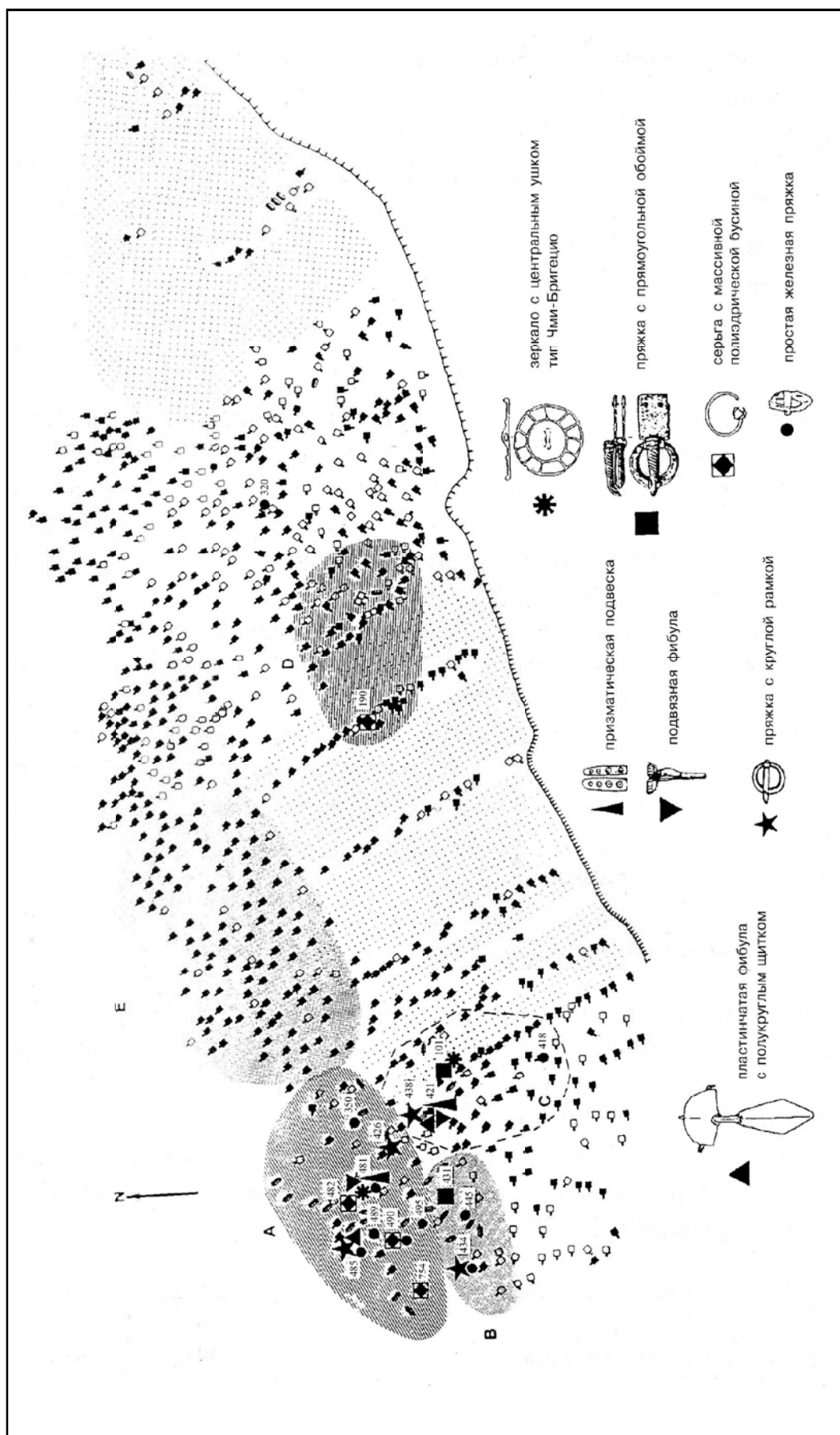
¹⁴ В этом смысле также: Айбабин 1990: 6. Публикация известных комплексов из Керчи: Засецкая 1993; к этому же: Damm 1988. Публикации важных погребений позднего V — VI в., к сожалению, все еще нет. Для большого некрополя Херсонеса все еще остается: Якобсон 1959: 248-281; обобщающая работа: Зубарь 1982. Более новые материалы благодаря работам: Зубарь 1978a; 1978b; 1981; 1983.

¹⁵ Проблемы хронологии Крыма в восточноевропейской историографии см.: Айбабин 1990: 7-10.

¹⁶ Комбинировалось 210 комплексов от раннего IV до VIII вв. по 195 признакам.

¹⁷ Д. Чаллани видел в женском населении Суук-Су готский этникум, в мужских — византийский (Csallany 1962: 73-76).

¹⁸ Особую роль играет могила 56 из Суук-Су с пятью захоронениями: мужское погребение 2, датированное монетами (одна Юстина I, две Юстиниана) с многочисленным «византийским» поясом, а также женские погребения 3 и 5 с парными фибулами и орлиноголовыми пряжками (Репников 1906: 15). Ср.: Айбабин 1990: 5 и далее; Амброс 1995: 75.

Карта 1. Фазы 1 (370/380-410/420) и 2 (410/420-440/450).

нологии средиземноморского региона датировки византийских материалов Крыма (преимущественно второй половины VII — рубежа IX/X вв.) отклоняются от нее на несколько десятилетий (Айбабин 1982: 165-192; 1993: 133,

рис. 2; Bortoli-Kazanski, Kazanski 1987: 460, fig. 9; Varsik 1992: 85)¹⁹.

Исходя из всего вышесказанного, материалы могильника в Скалистом приобретают важное значение для центральнойвропейской хронологии.

D. Горизонтальная стратиграфия могильника.

Первая фаза (карта 1).

Подвязные фибулы позволяют датировать погребение 421/1 ещё конечной фазой черняховской культуры (Веймарн, Айбабин 1993: рис. 75,15)²⁰. Фибулы найдены на плечах погребенного. Погребение 2 из того же склепа на основе бронзовой пластинчатой фибулы с полукруглым верхним щитком (длина 4,9 см) и призматической подвеской из кости может рассматриваться в том же временном контексте (Веймарн, Айбабин 1993: рис. 74,14,19; Ср.: Kokowski 1996: 157, Abb. 4, 16; Bierbrauer 1994: 108). Предположительно одиночное погребение в западной нише подбойной могилы 481 с фрагментом фибулы с подвязной ножкой, призматической подвеской из кости и зеркалом типа Чми-Бригечио может датироваться уже ступенью D1 (Веймарн, Айбабин 1993: рис. 89,1; 88,23; 90,2)²¹. Если учитывать серебряную пластинчатую фибулу из склепа 421/погр.4 (длина 9 см) и пару серебряных пластинчатых фибул из склепа 485/погр.4 (длиной 7,4 и 7,5 см), которые являются характерными типами фибул ступени D1 в понимании Я.Тейрала и Ф.Бирбрауэра, то начало функционирования могильника в Скалистом следует связывать с концом IV в. (Веймарн, Айбабин 1993: рис. 73: 5; рис. 89:19; 90:1; Tejral 1988b: 224; Bierbrauer 1991: 564, Abb. 4, 16). Первую фазу развития могильника также хорошо фиксируют пряжки с круглой рамкой и удлиненным заостренным язычком. Они неоднократно встречены вместе с обоюдоострыми мечами в инвентаре погребений 485/1, 426 и 438 и, вероятно, являются поясными пряжками мужского костюма (Веймарн, Айбабин 1993: рис. 75,23; рис. 76: 35-38,40-41; рис. 79:14; рис. 89: 17; рис. 90: 2)²². Происхождение пряжек этого типа следует искать в памятниках Северного Кавказа (Абрамова 1993: 164, рис. 66: 1-6). В Крыму они появляются во второй трети IV в. (Веймарн 1963: 17-19)²³. К сожалению, материалы полностью разрушенного склепа 434 нельзя рассматривать

как закрытый комплекс (Веймарн, Айбабин 1993: рис. 59: 28; 76: 29-44; 77: 1-10), хотя его находки достаточно точно датируются поздним IV в. Подобную датировку шести экземпляров пряжек с круглой рамкой и удлиненным заостренным язычком подтверждает находка пряжки с округлой обоймой в датированном кладе из Валеа Стрымба в Румынии (по монетам после 376 г.) (Веймарн, Айбабин 1993: рис. 76,39; Bierbrauer 1980: 132, Abb. 4; 1991: 569, Abb. 17,9).

Функционирование могильника начинается приблизительно в одно и то же время в его западной части в трех пространственно разделенных между собой ареалах, которые условно обозначены мною А, В и С. Эта первая фаза по составу своих находок соответствует ступени D1 и может датироваться периодом между 370/380 и 410/420 гг. (Tejral 1988b: 225).

Вторая фаза (карта 1).

Характерные пряжки, определенные Я.Тейралом в ступень D2, найдены только в двух комплексах Скалистого. Две пряжки происходят из склепа 101 и один экземпляр из погребения в катакомбе 431 (Веймарн, Айбабин 1993: рис. 4: 12,13; рис. 76: 23; Tejral 1988a: 29-38). Последняя имеет граненую рамку, тордированную головку язычка и прямоугольную обойму, которая крепилась к ремню одной заклепкой. Их следует отличать от пряжек, скрепленных четырьмя заклепками, которые Я. Тейрал определил как ведущие типы поздней фазы черняховской культуры и ступени D1 (Tejral 1988a: 32 и далее, Abb.15; Tejral 1986: Karte 2; Засецкая 1993: 76, табл. 49,232, с. 80, табл. 52,265). Зеркало с центральной петлей типа Чми-Бригечио из склепа 101 не противоречит этой датировке (Веймарн, Айбабин 1993: рис. 4,16; Tejral 1988a: 32; тип по: Werner 1956).

Серьги с полиэдрической массивной неорнаментированной бусиной из Крыма следует рассматривать как вещи, характерные для ступени D1. Это определено Я. Тейралом на ос-

¹⁹ Византийские и итальянские находки: Riemer 1992: 119 (распространение и датировка типов пряжек).

²⁰ Речь идет о фибулах вельбарского типа ступени C3: Kokowski 1991: 143; 1993, T.2: 30, гус. 21с-d. Они также представлены на позднем этапе черняховской культуры: Рафалович 1986: 138 (погр. 49). К вопросу о фибулах: Веймарн, Айбабин 1993: рис. 75,17; Ioniță 1986: 296, Abb. 3,3; 1992: 77, 82.

²¹ Определяющим для датировки является зеркало. Зеркала с центральной петлей представлены в комплексах Крыма только с конца IV в. Tejral 1986: 211; 1988a: 32; von der Lohe (in Druck).

²² Ср. мужские погребения с оружием в Крыму IV в. Kazanski 1991: Fig. 6 (Инкерман, погр. 43, 41, 10, 31); Fig. 7, 8, 9,13-18 (Озерное III, склепы 1 и 2, подбойная могила).

²³ Датированные монетами подбойные могилы 13 (после 324 г.) и 37 (после 337 г.).

новании очень выразительного погребения 22 из Заморского (Tejral 1988a: 32). Серьги этого типа, преимущественно, представлены в первой половине V в. (Bierbrauer 1987: 150, Anm. 49; Heinrich 1990: 93; Quast 1993: 76). К сожалению, малочисленность инвентаря в погребениях с подобными сережками не дает возможности для более точных хронологических определений²⁴. Лишь пара серебряных сережек из склепа 190 может датироваться по фибуле типа Прша-Левица приблизительно серединой — второй половиной V в. (Веймарн, Айбабин 1993: рис. 18: 35)²⁵. Размещение погребений с серьгами на могильнике в Скалистом в западном ареале А, а именно по его краям (склепы 481 и 485), подтверждает их датировку первой половиной V в.

Среди находок из Скалистого много небольших простых железных пряжек с овальной рамкой²⁶. В опубликованных комплексах могильников Крыма IV в. такие пряжки отсутствуют (Веймарн 1963; Засецкая 1993), как и в комплексах V в. Зато подобные пряжки достаточно часто встречаются на могильниках черняховской культуры, где они использовались, преимущественно, как детали поясных ремней женских костюмов²⁷. Пряжки этого типа известны только в женских погребениях из Суук-Су, датируемых V — VI вв. (могилы 61 и 63) (Репников, 1906, табл. 10, 3). Распространение простых пряжек, например, в западном ареале А совпадает с территорией размещения сережек с полиэдрическими бусинами. Следуя этой закономерности, представляется возможным датировать эти пряжки периодом конца IV — середины V в. Вместе с тем, погребения с подобными пряжками фиксируются и в ареале 2-й фазы могильника (т.е. второй половины V в.), которая представлена слабо выраженными находками. Ориентируясь на начальную дату 3-й фазы могильника, период 2-й фазы можно определить между 410/420 и 440/450 гг.²⁸

²⁴ Находки в склепах 190 (Веймарн, Айбабин 1993: рис. 18: 39-40), 482 (рис. 89: 4), в подбоях 490/1 (рис. 90: 23-24), 490/3 (рис. 90: 25-26), 754/2 (рис. 116: 6-7).

²⁵ На это время указывает и отсутствие сережек с массивными полиэдрическими окончаниями в первой фазе могильника Суук-Су (470/480-510/520 гг.). Ср.: Репников 1906; 1907; 1909.

²⁶ Находки: склеп 320 (Веймарн: Айбабин 1993: рис. 47: 18); 350 (рис. 54: 5); 418 (рис. 71: 6); 434 (рис. 77: 9); 445 (рис. 79: 21); подбой 481 (рис. 88: 24); 485 (рис. 89: 18); 489 (рис. 90: 20); 490 (рис. 90: 22) и 495 (рис. 92: 13).

²⁷ Например: в Тыргшоре: Diaconu 1965: Taf. 85; 88; 109; 119; 122; 124; 127; 131.

²⁸ Подобные наблюдения относительно слабой выраженности фазы D2 на Среднем Дунае — Tejral 1988b: 291-293. Причину этого Ф. Бирбрауэр видит в «специфике восточногерманских погребальных обычаев» первой половины и середины V в., которая выразилась в бедности или безынвентарности погребений «простого народа» (Bierbrauer 1989: 156).

Третья фаза (Карта 2)

Характерными трансрегиональными типами вещей середины и третьей четверти V в. являются фибулы типа Прша-Левица (Heinrich 1990: 94-96; Bierbrauer 1989: 156; 1991: 555). Фибула этого типа вместе с парными серебряными сережками и пряжкой с круглой обоймой могли составлять единый комплекс, вероятно, ограбленного склепа 190 (Веймарн, Айбабин 1993: рис. 18, 35, 36, 39-40). Почти полная идентичность состава комплексов погребений с фибулой типа Прша-Левица на Среднем Дунае и в склепе 190 из Скалистого позволяет применить датировки этих вещей и для крымских находок. Их распространение характерно для середины V в., периода, охарактеризованного Ф. Бирбрауэром как «открытое пространство» («*öffenen Raume*») (Werner 1959: 422; Bierbrauer 1991: 550, 568, 579; Heinrich 1990: 95 mit Anm. 150; Айбабин 1979: 24, рис. 1, 2). Сочетание в склепе 190 фибулы типа Прша-Левица и пряжки с круглой обоймой, скрепленной одной центральной заклепкой, указывает на близость датировки этих вещей.

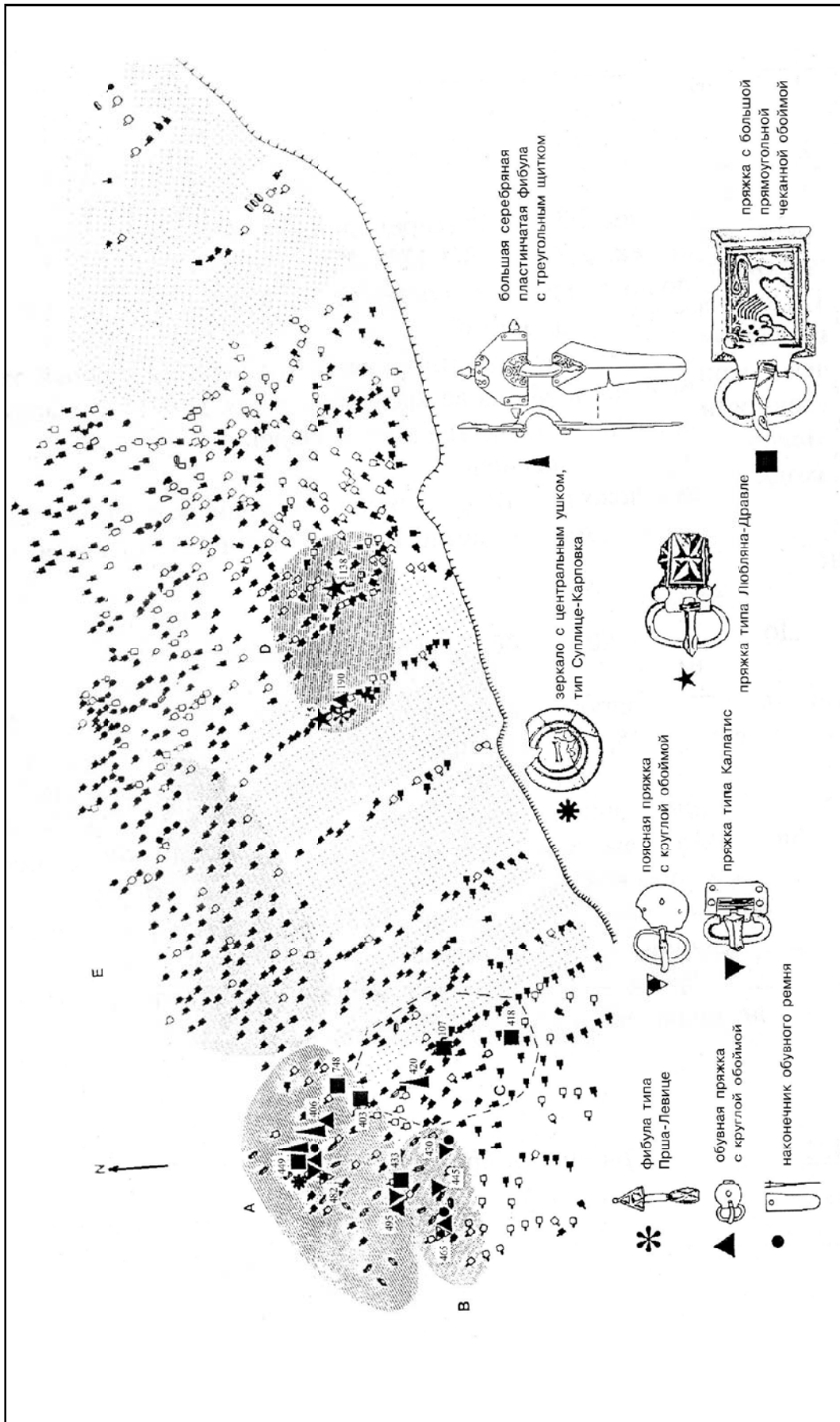
13 экземпляров пряжек с подобной обоймой в Скалистом происходят из семи склепов²⁹. Большинство имеют длину от 2,0 до 2,9 см. Их размеры позволяют выделить две функциональных группы. Это обувные пряжки и пряжки для костюма. Пряжки с круглой обоймой из склепа 465 и похожие пряжки, но с обоймой, которая имеет три полукруглых выступа, из склепа 482 на основании их длины (4,6 и 6,0 см) следует определить как пряжки костюма³⁰. Хорошо зафиксированное расположение парных небольших пряжек в ногах погребений 1 и 3 из склепа 495 хорошо согласуется с их небольшими размерами (495/1: длина 2,1/2,4 см; 495/3: длина 2,4/2,9 см).

Инвентарь погребений из склепа 495, погр. 1 и 3, на наш взгляд, подтверждает существование хорошо выраженной типологически группы серебряных пряжек³¹. Для них характерны удлиненно-овальные литые рамки, массивный язычок и обоймы прямоугольной формы либо в виде овала. Особым типологическим признаком является наличие на лицевой стороне обоймы трапециевидной или прямоугольной напаянной накладкой, которая могла быть орнаментирована продольными линиями. Между накладкой и обоймой вкладывался

²⁹ Веймарн: Айбабин 1993: склепы 190 (рис. 18: 36); 406 (рис. 66: 4); 449 (рис. 80: 22:27); 465 (рис. 84: 1-4); 495/1 (рис. 92: 1:4); 495/3 (рис. 92: 2-3); 482 (рис. 89: 5).

³⁰ Веймарн, Айбабин 1993: погр. 465 (рис. 84: 1); погр. 482 (рис. 89: 5).

³¹ Веймарн, Айбабин 1993: склепы 430 (рис. 76: 1); 445 (рис. 79: 22); 449 (рис. 80: 18); 495/1 (рис. 90: 31; 92: 5); 495/3 (рис. 90: 30:32); 495/5 (рис. 90: 33).

Карта 2. Фазы 3 (440/450-470/480) и 4 (470/480-510/520).

кожаный ремень, который на прямоугольных обоях крепился четырьмя заклепками, а на овальных — тремя. Распространение пряжек этого типа, определяемых здесь как тип Каллатис (*Callatis*), зафиксировано от Предкавказья на востоке и до Боснии на западе. Определенная концентрация этих находок наблюдается в Крыму (Kazanski 1994: 162-164). Своей конструкцией и величиной обоймы (от 3,4x1,7 см до 5,4x3,2 см), а также формой язычка и рамки пряжки этого типа отчетливо отличаются от пряжек с небольшой прямоугольной обоймой поздней фазы черняховской культуры (Tejral 1988a: 18, Abb. 5, 2-4). В последнее время этими вещами занимался М. Казанский в рамках исследования средиземноморских поясных пряжек V — VI вв. (Kazanski 1994: 164, Abb. 13, 23; 17-21). В отличие от А.И. Айбабина, который датирует пряжки типа Каллатис первой половиной VI в. (Веймарн, Айбабин 1993: 170), М.Казанский датирует их V — началом VI в. (Kazanski 1994: 163). Ранняя датировка пряжек типа Каллатис возможна, если принять во внимание инвентарь могилы 291 некрополя Дюрсо под Новороссийском на Кубани (Дмитриев 1982: 83, рис. 5: 38-47; Амброс 1989: 104, рис. 18: 1-8; Kazanski 1994: 194, Abb. 21: 1-11). Стекланный бокал с накладками из синего стекла, а также серебряная пластинчатая фибула четко датируются первой половиной — серединой V в. Незакрытый комплекс погребения 14/1914 из Херсонеса не может быть использован для уточнения датировки (Kazanski 1994: 192, Abb. 19: 1-4; Амброс 1994: 78, рис. 3)³².

Закрытые комплексы из склепа 495/погр. 1 и 3 позволяют сделать предположение о том, что комплект костюма состоял из пряжек типа Каллатис, которые использовались как пряжки для одежды, и парных обувных пряжек. Такую комбинацию возможно предполагать также и для разрушенных комплексов склепов 449 и 465. Дальнейшее выделение подобных комбинаций возможно будет делать на основе закрытых комплексов погребального инвентаря³³. С большей долей вероятности как обувную гарнитуру следует рассматривать небольшие парные наконечники ремней из склепов 430 (размеры 2,9/2,9 см), 449 (3,4/3,0 см) и 465 (3,0/3,0 см) (Веймарн, Айбабин 1993: рис. 76: 4-6; 80: 21,24; 84: 5-7; Quast 1993: 87, Abb. 52). Учитывая устойчивую связь хорошо датированных фибул типа Прша-Левица с такой комбинацией деталей одежды, третью фазу развития могильника в Скалистом возможно соотнести со сту-

³² Состав вещей из этого комплекса указывает на то, что они, возможно, принадлежали двум погребениям: первое — пряжка типа Каллатис и фибула-цикада; второе — пряжки типа Любляна-Дравле и трехпальчатая фибула с волютным декором на щитке (тип Гурзуф по Kühn 1974: 728).

³³ Ср. могила 1/1964 в Братеи, Harhoiu 1994: 160 (Nr. III.1)

пенью D3 и датировать временем между 440/450 и 470/480 гг. Предполагаемая датировка полиэдрических сережек первой половиной V в. хорошо согласуется с картиной распространения пряжек с округлой рамкой и типа Каллатис, так как комплексы находок, в частности, в ареале А, преимущественно расположены на краях по отношению к предыдущей фазе развития могильника.

Четвертая фаза (карта 2)

Большие пряжки с одночастными прямоугольными серебряными обоями могли быть орнаментированы различными комбинациями крестов или зооморфных мотивов, выполненных в чеканной технике³⁴. Обычно имеют массивный литой язычок с остроугольным, «крышеобразным» поперечным сечением и четким звериноголовым окончанием, которое имеет выпуклые глаза. Основа язычка обозначена либо поперечным рифлением, либо глубокими насечками. Преимущественно рамки этих пряжек массивные, литые, неорнаментированные, удлинненно-овальной формы³⁵. Пластины обойм скреплялись четырьмя заклепками с полусферическими шляпками. За исключением погребения 2 склепа 107 из Скалистого, невозможно указать на другие закрытые комплексы. В то же время на могильнике в Суук-Су известно шесть очень выразительных погребальных комплексов³⁶. Как правило, пряжки этого типа сочетаются с большими пластинчатыми фибулами с полукруглой с усеченными сторонами или полукруглой головной пластиной и парными серебряными браслетами с расширенными окончаниями. Хронологическое значение имеет здесь инвентарь погребения 91 с зеркалом типа Суплице-Карповка, которое на этом могильнике является единственным и, вероятно, одним из последних в Крыму экземпляров зеркал с центральной петлей эпохи Великого переселения народов. Ориентируясь на этот «гарантированный» инвентарный комплекс, можно реконструировать инвентарь разрушенного погребения склепа 449³⁷. Большие парные фибулы, пряжки с прямоугольными чеканными обоями, серебряный браслет с расширенными концами, а также зеркало с центральной петлей типа Суплице-Карпов-

³⁴ Веймарн: Айбабин 1993: склеп 107/2 (рис. 5: 21); 433 (рис. 77: 11); 449 (рис. 82: 12); 748 (рис. 110: 12); 403/3 (рис. 65: 18); 418 (рис. 71: 2); Айбабин 1990: 207, рис. 28: 5 (Лучистое, склеп 10).

³⁵ Исключение: Репников 1906: 71, рис. 49 (могила 90/1).

³⁶ Репников 1906 (могила 67/1; 90/1; 91); Репников 1907 (могила 155/1); Репников 1909 (могила 196 и 198).

³⁷ Репников 1906: табл. 7: 4 (парные фибулы); рис. 47 (пряжка); табл. 11: 16 (пара браслетов); рис. 68 (зеркало).

ка образуют полную комбинацию готской одежды, которая в деталях — за исключением недостающего браслета — соответствует инвентарю ненарушенного погребения 91 из Суук-Су³⁸. Важным является то, что на Среднем Дунае зеркала с центральной петлей на исходе V в. в погребениях больше не встречаются (Bierbrauer 1991: 575, Abb. 4).

Между тем, погребения с прямоугольным чеканными обоймами на могильнике в Скалистом примыкали непосредственно к погребениям ступени D3 ареала А. Поэтому они могут датироваться преимущественно последней третью V в.³⁹

С территории Среднего Дуная можно привести ряд комплексов с пряжками с серебряными пластинчатыми обоймами. Там также было характерно использование заклепок с полусферическими шляпками, литых неорнаментированных рамок, звериноголовых язычков с остроугольным, крышеобразным поперечным сечением. Таким образом, формально они соответствуют пряжкам Крыма. Ф.Бирбрауэр определил среднедунайские находки в тип А1 и предложил несколько иную их хронологию сравнительно с А.Гётце⁴⁰. Здесь они преимущественно датируются второй и третьей четвертью V в. (фазы D2b — D2/D3 — D3)⁴¹.

Серебряная пряжка из склепа 5 с прямоугольной чеканной обоймой, глубоким, геометрическим орнаментом также относится к последней трети V в. (Веймарн, Айбабин 1993: рис. 3: 1). Данная пряжка обнаруживает все характерные черты пряжек типа Любляна-Дравле (Ljubljana-Dravle), однако отличается от этого типа одночастной конструкцией оковки (Bierbrauer 1975: 130). По особенностям своей конструкции ее следует отнести к пряжкам группы А1 по Ф. Бирбрауэру (Bierbrauer 1975: 127-129). Возможно, они послужили прототипом для пряжек типа Любляна-Дравле, которые были распространены в гепидских и остготско-итальянских древностях последней трети V в. В Крыму пряжки с одночастной обоймой находят свое соответствие среди пряжек с прямоугольными чеканными пластинчатыми обоймами из погребения 49 в Суук-Су, склепа 64/погр.

4 в Лучистом, а также в литой форме из Скалистого, склеп 138 и погребении 14/1914 в Херсонесе⁴². Наиболее существенным различием между пряжками типа Суук-Су, мог. 49, Лучистого, склеп 64/4 и Скалистого, склеп 138 и пряжками с прямоугольной чеканной обоймой является наличие спирального орнамента на рамке, который сближает их с горизонтальными орлиноголовых пряжек Крыма. Использование заклепок с полусферическими шляпками, язычков с остроугольным, крышеобразным поперечным язычком и преимущественно неорнаментированных рамок позволяет разделять серебряные пряжки с чеканными пластинчатыми обоймами и орлиноголовые пряжки, которые орнаментально и по сопутствующим вещам рассматриваются как более ранние, чем пряжки типа Любляна-Дравле. Эту последовательность подтверждает также состав инвентаря могильника Суук-Су. Исходя из появления в горизонте орлиноголовых пряжек новых предметов женского костюма (например: пирамидальные, золотые чеканные бляшки и конусообразные бронзовые колокольчики) и хорошо выраженной горизонтальной стратиграфии могильника в Скалистом можно признать появление этих предметов более ранним (в смысле относительной хронологии)⁴³.

Важным является тот факт, что склепы 5 и 138 с пряжками типа Любляна-Дравле, а также хронологически близкий склеп 190 второй половины V в. занимают обособленное от ареалов А-С положение. Находки, к сожалению, не позволяют высказаться более определенно, идет ли здесь речь о пришлое или же о прежнем населении.

Большие серебряные фибулы с головными пластинами, близкими к подтреугольной форме, в Скалистом происходят из четырех склепов. Единственный полностью сохранившийся инвентарь оказался в погребении 420/3⁴⁴. Вместе с парой фибул в комплекс погребения следует внести орлиноголовую пряжку, серебряный браслет с расширенными концами, а также три золотых пирамидальных чеканных бляшки. При погребении 420/1, к сожалению, оказалась лишь одна серебряная пластинчатая фибула. Прочий инвентарь, найденный в этом склепе

³⁸ Веймарн: Айбабин 1993: склеп 449: реконструированное погребение: рис. 80: 26; 82: 5 (парные фибулы); 82: 12 (пряжки); 59: 14 (браслет); 59: 13 (зеркало). К вопросу о восточногерманском (готском) костюме V — VI вв. см.: Martin 1994: 544; Bierbrauer 1994: 144: 159.

³⁹ Датировка этих вещей допустима до середины VI в.: но не так, как предлагается А.К. Амброзом (1994: 81: рис. 6: 21-22; 7: 10-11) и А.И. Айбабиным (1994б: 142) — вплоть до первой половины VII в.

⁴⁰ Bierbrauer 1991: 555 и далее; Abb. 12, 2 (Gyulavar); 13, 7 (Brescia [?]); 7 (Zemun); 20, 6 (Dabronc-Otvos); Bierbrauer 1975: 127-129.

⁴¹ М.Мартин рассматривает эти пряжки как продукт романских мастерских (Martin 1991: 68). Критику см.: Bierbrauer 1994: 147, Anm. 299.

⁴² Суук-Су: Репников 1906: табл. 9, 3 (лучшая иллюстрация — Айбабин 1990: рис. 24, 6); Скалистое: Веймарн, Айбабин 1993: рис. 9, 1; Херсонес: Айбабин 1990: рис. 24, 1; Лучистое: Айбабин 1994б: 134, рис. II, 54.

⁴³ Суук-Су, мог. 46/2; 56/5; 61; 89: Репников 1906; Скалистое, склеп 420/3: Веймарн, Айбабин 1993, рис. 72, 22-24 (пирамидальные чеканные бляшки). Скалистое, склеп 258: Веймарн, Айбабин 1993: рис. 26, 25-27 (конусообразные колокольчики).

⁴⁴ Склеп 420 был опубликован одним из первых (Веймарн 1979: 35), и там изображены несколько иные фибулы, чем опубликованные позже (Веймарн, Айбабин 1993: рис. 71, 8-21; 72, 1-31; 73, 1-4). Фибула, опубликованная в работе Айбабина 1990 (рис. 11, 1), не соответствует обеим публикациям.

вне контекста, вероятнее всего, следует отнести к этому погребению⁴⁵. Учитывая закрытый комплекс погребения 91 из Суук-Су, возможно реконструировать находки из разрушенного склепа 449 с учетом парных фибул с головной пластиной подтреугольной формы приблизительно как полный инвентарь могилы (см. выше). Из полностью разрушенного склепа 406 происходит фрагмент ножки фибулы, который по соотношению длины и ширины, вероятно, принадлежал фибулам большого размера с подтреугольной или полукруглой верхней пластиной⁴⁶. Длина этих, столь характерных для Крыма фибул составляет от 18 до и 23 см.

Детальная хронология серебряных фибул Крыма с подтреугольной или полукруглой головной пластиной невозможна без учета типологической дифференциации их специфических особенностей. Очень важным представляется вопрос об их происхождении.

Фибулы с полукруглыми и подтреугольными щитками украшены накладками с, преимущественно, геометрическим чеканным орнаментом на концах спинок, декоративными кнопками, что можно оценивать как признаки, формально близкие фибулам Среднего Дуная. Следовательно, их можно сравнивать, скорее всего, с фибулами из Дюла (Gyula), Кискунфеледьюхаза (Kiskunfelegyhaza) и Тисалок (Tiszalok), которые на Среднем Дунае датируются временем около середины V в. и определены Ф. Бирбрауэром в фазу Лаа-Бакодпушта (Laa-Bakodpuszta) и, соответственно, в переходной горизонт D2/D3 (Bierbrauer 1991: 555-560, Abb. 9; 10: 1-3; 11: 1; 12: 1). Конечно, имеется важное различие в том, что накладки у крымских фибул не накладывались на верхний диск, а все без исключения приклепывались. Конструктивно это необходимая операция, так как лицевая сторона фибулы обшивалась серебряными пластинами и посредством заклепок накладные бляшки крепились с основной бронзовой пластине⁴⁷. Устройство иглодержателя из бронзовой пластины размещалось на головной пластине и ножке. Литые, серебряные дужки-спинки, диск головки и ножки склепывались или скреплялись штифтами⁴⁸. Аналогичную конструкцию на Среднем Дунае найти нельзя. В этом можно видеть самостоятельное развитие фибул Крыма. Их конструкция, несомненно, основывается на образцах первой половины-середины V в. с конструкцией рамки из бронзовой пластины, а на-

чало их производства приходится на середину V в. Исходя из реконструированного инвентаря из склепа 449 в Скалистом и количественно и качественно содержательного инвентаря могил 67/1, 90/1, 91, 196 и 198 в Суук-Су (все парные фибулы в этих погребениях сопровождалась пряжками с одночастными, прямоугольными чеканными обоймами), фибулы этого типа в Крыму следует датировать от последней трети V в.⁴⁹ Это подтверждается и представленным выше анализом размещения склепов с пряжками с прямоугольными чеканными обоймами в системе горизонтальной стратиграфии могильника.

Анализ найденной в Скалистом, склеп 420/ погр. 3, орлиноголовой пряжки показал, как важна и необходима типологическая дифференциация этого типа пряжек, так как они представляют в Крыму стандартизированную форму поясной гарнитуры женского костюма для всего VI в. и, в некоторых случаях, раннего VII в.⁵⁰ Орлиноголовые пряжки Крыма, между прочим, из-за исключительного применения спиральных витков на рамках, крепления столь характерными заклепками с полукруглыми шляпками и на основе литых, орнаментированных кербшитным орнаментом обойм, следует классифицировать как более ранний хронологический признак. Также в развитии инвентарных комбинаций (в корреляционных таблицах) они сменяют чеканно-пластинчатые пряжки. Однако, неясным остается абсолютная хронология этого изменения. Отсутствие датированных монетами погребений оставляет только путь сравнения формы изделий.

Интересной является орлиноголовая пряжка с рамкой, орнаментированной ячейками, и квадратной обоймой с четырьмя центральными ячейками, которая, предположительно, происходит из Керчи (Götze 1907: 17 (N32), Taf. 8, 2; Rusu 1959: 498, Abb. 8, 4). На основе упомянутых элементов отделки ее следует датировать концом V — началом VI в. (Rusu 1959: 497 (Nr.10a), 511). Возникновение орлиноголовых пряжек следует связывать, вероятно, с периодом около 500 г.⁵¹ Выделен А.К.Амброзом и несколько по-новому дополнен А.И.Ай-

⁴⁵ Сравни детальную оценку предметов в работе: Веймарн 1979: 35-37.

⁴⁶ Находки больших пластинчатых серебряных фибул: Веймарн, Айбабин 1993: склепы 420/1 (рис. 73, 2; 71, 15/?), 420/3 (рис. 72, 1; 73, 2). 449 (рис. 80, 26; 82, 5); 406 (рис. 66, 12).

⁴⁷ Очень хорошие иллюстрации см. Айбабин 1994: 152, рис. 8, 1; 9.

⁴⁸ Это хорошо показано в работе: Treasure 1989: 29 (№ 50), Abb. 50.

⁴⁹ Этот тип фибул был датирован второй половиной VI — VII вв.: Амброс 1994: 75; Айбабин 1994: 141-142. Для датировки, в частности, использованы монеты из Суук-Су — Юстина I, Юстиниана (две), Маврикия Тиберия после 582/597 (Репников 1906: погр. 56/2, 77/2). Оба погребения являются мужскими без единого предмета женского костюма! Правильная трактовка: Götze 1907: 19; у других она также ошибочна: Rusu 1959: 28; Bierbrauer 1971: 138.

⁵⁰ Веймарн, Айбабин 1993, склеп 420/3 (рис. 73: 1); Эски-Кермен, склеп 257/6 с terminus post quem от 629 г.; ср.: Айбабин 1982: 184-186, рис. 10: 1-3, 5, 10; Айбабин 1994: 131.

⁵¹ А.К. Амброс соотносит I-ю группу орлиноголовых пряжек с первой фазой развития могильника Суук-Су, которую датирует между 550-600 гг. (1994: 75, 81, рис. 6).

бабиным такой типологический признак, как длина держателя кольца-рамки, на который крепилась рамка и язычок (Айбабин 1994а: 141). Пряжки, рамки которых оправлены в короткие держатели, следует рассматривать как самые ранние варианты⁵². Эта, вероятно, самая ранняя серия орлиноголовых пряжек встречается исключительно вместе с серебряными пластинчатыми фибулами с подтреугольной верхней пластиной⁵³. Сверх того, эти группы вещей смыкаются между собой благодаря использованию ромбовидного геометрического кербшнитного декора шеи орлиной головы, а также наличием четырех угловых круглых ячеек⁵⁴.

Орлиноголовые пряжки с длинным держателем рамки в Крыму являются составной частью одежды вместе с бронзовыми пальчатыми фибулами группы II по И.Вернеру. Та комбинация инвентаря, которая фиксируется горизонтальной стратиграфией и корреляционными таблицами материала могильников Скалистое и Суук-Су, позволяют датировать их второй половиной VI в.⁵⁵

Инвентарь и короткие держатели орлиноголовых пряжек погр. 420/3 из Скалистого позволяют отнести их к ранним изделиям этого типа, а вместе с тем вторая фаза Суук-Су соотносима с 5-й фазой Скалистого и, таким образом, может датироваться периодом между 510/520 — 550/560 гг.

Неоспоримым остается то, что пряжки с прямоугольным ободками, типа Любляна-Дравле, и большие серебряные фибулы с подтреугольной или полукруглой головной пластиной крымского варианта совершенно

определенно следует датировать последней третью V — началом VI в. (470/480-510/520 гг.). В какой мере развитие костюмного и инвентарного набора Крыма и Среднего Дуная во второй половине V в. шло параллельно, при современном состоянии публикации источников решить однозначно не представляется возможным. При более близком рассмотрении имеющихся в Крыму находок ступени D3, их схожесть с материалами Среднего Дуная представляется как очень вероятная⁵⁶. И напротив, несомненно, что готский костюм Крыма — по материалам могильников Суук-Су и Скалистое — с пластинчатыми серебряными фибулами с подтреугольной или полукруглой головной пластиной консервируется до середины и начала второй половины VI в.⁵⁷ Этот континуитет, вместе с тем, стоит в отчетливой противоположности к развитию Среднего Подунавья и Италии остготского времени.

Керамика (карта 3)

Описания каталога и иллюстрации в публикации делает оценку позднеримской столовой посуды из Скалистого крайне затруднительной⁵⁸. По мнению А.И.Айбабина, вся эта керамика отличается плохим качеством, что выразилось в плохой обработке поверхности сосудов. Несомненно, речь идет о краснолаковой посуде (сигиллята), которую следует в большинстве своем определять как «Late Roman C Ware» (Hayes 1972: 323-370). Преимущественно, она представлена формами 1 и 3, по И.В.Хейс, и хронологически отнесена им в период конца IV — первой половины VI в. (Hayes 1972: 327, 336-337)⁵⁹.

Лишь миска из погребения 1 склепа 421 в данной комбинации инвентаря хронологически определяется более точно. По инвентарю (две подвязные фибулы черняховского времени) миска может датироваться поздним IV в. Остальные экземпляры по распределению их в хронологических зонах могильника следует

⁵² Характерно, что пряжки с прямоугольными ободками снабжены исключительно короткими держателями. Ср.: Айбабин 1990: 206, рис. 27, 4-6; 207, рис. 28, 1-3, 5.

⁵³ Суук-Су, погр. 46/2; 56/3; 56/5 (Репников 1906).

⁵⁴ Шейный декор большинства орлиноголовых пряжек Крыма позволяет их дифференцировать также по наличию орнамента либо в виде штрихов, либо углублений в форме полумесяцев, что однако, в отличие от длины ободки, пока еще не имеет выраженной хронологической позиции. И напротив, можно указать на многочисленные находки гепидских пряжек с короткой ободкой, которые, как правило, имеют другую форму головы/клюва, но при этом близкое декоративное оформление (орнамент, украшение камнями-вставками), и фиксируются в хорошо датированных комплексах начиная от развитого VI в. Ср.: Rusu 1959: 2, Abb. 1; Böna 1990: 88, Abb. 5; Vinski 1968; Gornolka-Fuchs 1995: 100-102 с оправданной критикой восточно-европейских исследований.

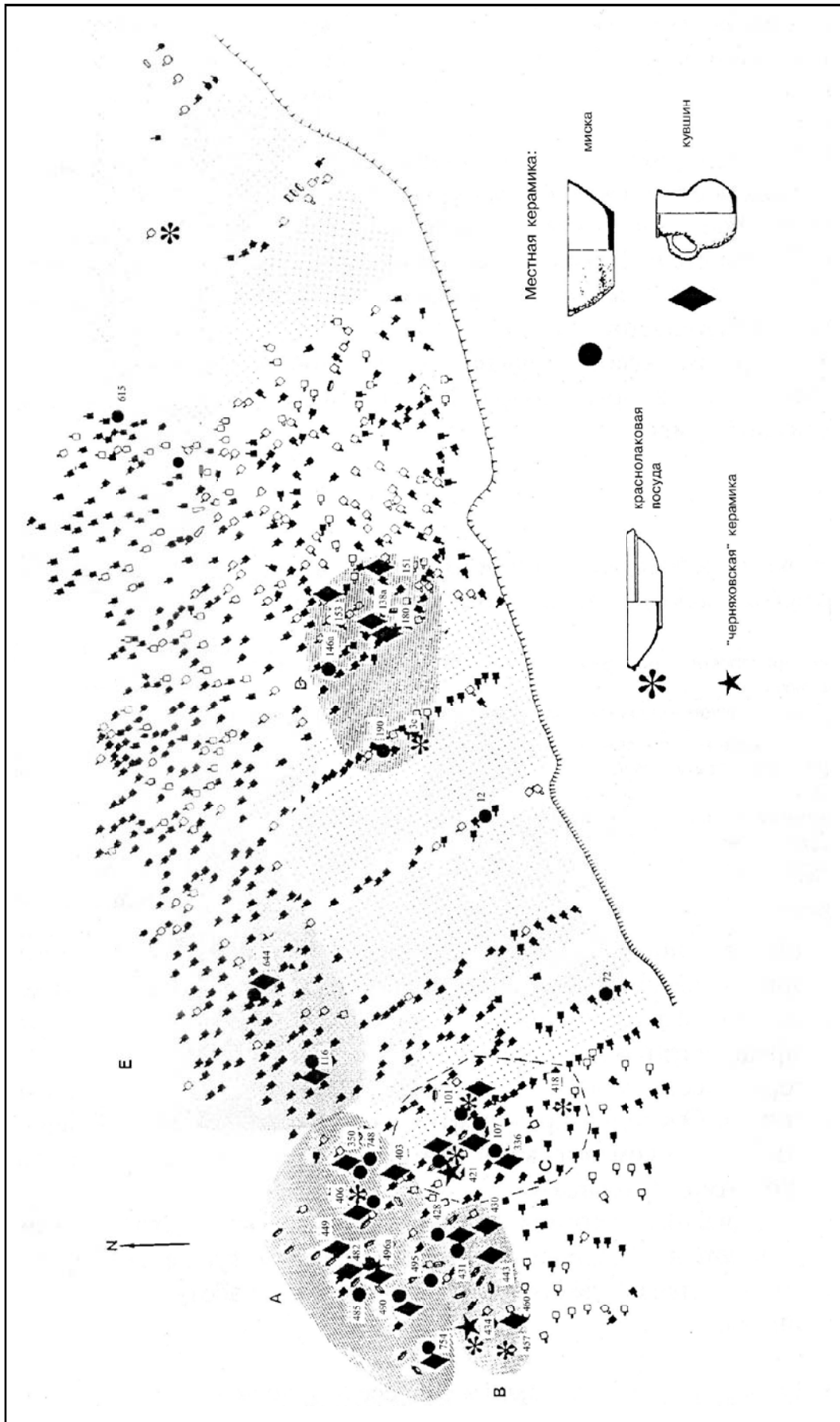
⁵⁵ Пальчатые фибулы найдены в Суук-Су в погребениях 28; 86/1; 131/1; 154/1 (Werner 1950: 162-165; историографию вопроса см. Fiedler 1992: 91-105; Vagalinski 1994). Кроме того, этот период сопоставим с развитием гепидских орлиноголовых пряжек, т.к. пряжки с удлиненным держателем более не встречаются нигде.

⁵⁶ Особенно пряжки типа Любляна-Дравле; Bierbrauer 1991: 568

⁵⁷ В этом хронологическом горизонте имеются также литые, серебряные и бронзовые, пальчатые фибулы с тремя-пятью кнопками. Разумеется, в нашем распоряжении относительно мало закрытых комплексов: Репников 1908 (могила 155/1); Айбабин 1990: 193-195; рис. 2; Айбабин 1994б: 133 и далее, рис. 2,50-51; рис. 2,53 (склеп 54/12 из Лучистого).

⁵⁸ Веймарн, Айбабин 1993: склепы 3с (рис. 3: 18-19); 101 (без рисунка); 127е (рис. 7: 17); 406 (рис. 66: 17:22); 418 (рис. 71: 4); 421/1 (рис. 74: 8); 434 (рис. 76: 29:31); 457 (рис. 59: 17). О столовой керамике: Веймарн, Айбабин 1993: 190.

⁵⁹ А.В. Сазанов предлагает для Крыма и Северного Причерноморья несколько отличную датировку этой посуды (1994: 422).

Карта 3. Распространение керамики.

датировать преимущественно концом IV — V в.

На могильнике в Скалистом количественно преобладает керамика местного производства. Функционально она может быть разделена на кувшины и миски⁶⁰. За некоторым исключением, их распространение ограничивается ареалами А, В, С и D. Согласно горизонтальной стратиграфии могильника, эти сосуды характерны для 1–4 фаз его развития. Многочисленные параллели имеются на сарматских некрополях Крыма IV в. (Веймарн, Айбабин 1993: 193; Храпунов 1995: 183, рис. 14, 44-47, 50-51; Веймарн 1958: 22, рис. 14, 7-11; единично также в Суук-Су: Репников 1906: табл. 4, 26; Репников 1907: 106, рис. 9). За исключением керамики из склепов 421 и 434, которую А.И. Айбабин определил как черняховскую (Веймарн, Айбабин 1993: 192, рис. 74, 1-2; рис. 76, 1), эта посуда может рассматриваться как сарматская. Хорошо документированные комплексы указывают на наличие некой регулярной комбинации сосудов, состоящей из кувшина и чаши⁶¹. Эта керамика указывает на непрерывность функционирования могильника в V в., в частности, в пределах ареалов С и D.

Вооружение (карта 4)

Хронология предметов вооружения, найденных на могильнике (в виде комплексов либо отдельных предметов), в силу отчетливой их концентрации в ареалах А, В и С не представляет больших проблем⁶². Так, более или менее повторяющиеся комбинации предметов состоят из меча (*Spatha*) и поясной пряжки с круглой рамкой и острым язычком, которые найдены, например, в погребениях 426, 438 и первичном по-

гребении склепа 485. Учитывая устойчивое сочетание этих предметов (что неоднократно отмечено также в Инкермане), такой состав предметов может быть реконструирован для полностью разрушенного погребения из склепа 434. При этом, мечу принадлежит бусина-навершие из халцедона. Четыре погребения с мечами, соотносимые с первой фазой существования Скалистого и характерными пряжками с круглой рамкой и острым язычком, могут быть датированы концом IV — началом V в. Особенно следует обратить внимание на длинный меч из погребения 438 с железным перекрестьем, что характерно для горизонта D1⁶³. К фазе D3 следует относить оружие из погребений 1 (меч) и 3 (однолезвийный короткий меч) из склепа 495 из-за найденных здесь поясных пряжек типа Каллатис и обувных пряжек. Также к горизонту D3 может быть отнесен меч из склепа 430, так как здесь найдены предметы, сопоставимые с гарнитурой из погребений 1 и 3 склепа 495. На основе горизонтальной хронологии первых четырех фаз в Скалистом мечи из склепа 482, подбоя 488, а также однолезвийный короткий меч из подбоя 496а возможно соотносить с концом IV — второй половиной V в. Однолезвийный короткий меч из склепа 163 благодаря своему расположению следует вероятно соотносить с четвертой фазой развития могильника в Скалистом.

Погребения с мечом и/или коротким мечом в Крыму преимущественно соотносятся с IV в. (Kazanski 1991: 494, 499). Не позже чем в IV в. в Крыму появляется обычай использовать с магической целью бусы, как навершия мечей (Werner 1956: 28-37; Anke (im Druck)). Подобные навершия происходят из хорошо документированных комплексов, которые позволяют рассматривать их как своеобразную дань мертвым «*pars pro toto*» (Веймарн 1963: 26)⁶⁴. Недостатки источниковедческой базы могильников Крыма V в. не позволяют делать какие-либо определенные выводы относительно дальнейшей практики использования оружия в погребальных ритуалах. Опубликованные комплексы VI в. свидетельствуют о том, что в это время она уже не применялась.

Искусственная деформация черепа (карта 4)

24 деформированных черепа были обнаружены в трех подбойных могилах (5 черепов) и в шестнадцати склепах (19 черепов)⁶⁵. По особенностям инвентаря и своего зонального расположения эти погребения соотносятся с третьей и четвертой фазами развития могиль-

⁶⁰ Веймарн, Айбабин 1993; сокращения: К = кувшин; М = миска: склеп 12 (М; рис. 3: 24); 72 (2М; рис. 4: 3-4); 101 (К/2М; рис. 4: 11, 14, 17); 107 (К/М; рис. 5: 2-3); 116 (К/М; рис. 5: 29, 32); 138а (2К; рис. 9: 4-5); 146а (М; рис. 9: 2); 151 (К; рис. 12: 11); 153 (3К; рис. 12: 1 5-16, 19); 155 (К; рис. 12: 20); 180 (К; рис. 18: 16); 190 (М; рис. 18: 37); 284а (М; рис. 34: 20); 336 (2К/М; рис. 52: 1-2, 7); 350 (К/М; рис. 54: 1-2); 403 (К; рис. 65: 19); 406 (4К/ М; рис. 66: 23, 26-28); 421 (4К/ 2М; рис. 74: 3-7); 428 (М; рис. 75: 27); 430 (2К; рис. 75: 33-34); подбой 431 (К/М; рис. 76: 24-25); 443 (К; рис. 79: 19); 449 (К; рис. 82: 14); 460 (3К; рис. 83: 31-33); 482 (К; рис. 89: 3); 485 (М; рис. 89: 12); подбой 490 (2К/2М; рис. 90: 21, 27-29); 495 (2М; рис. 92: 12, 14); 496а (К/ М; рис. 92: 2-21); 615 (М; рис. 102: 3); 644 (3К/ М; рис. 103: 23-25; 107: 1); подбой 748 (М; рис. 110: 11) и подбой 754 (2К/ М; рис. 116: 3-5).

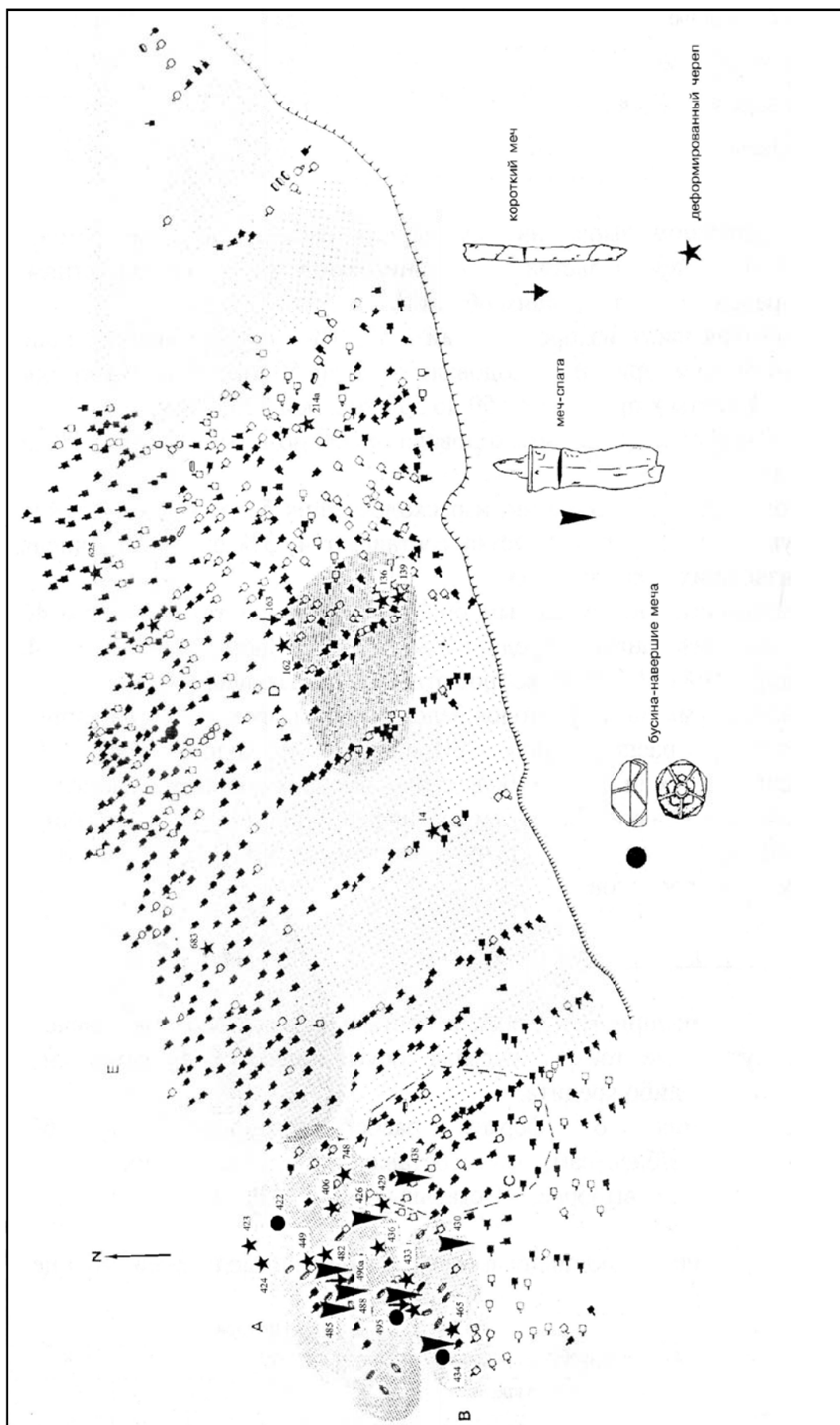
⁶¹ Например: Веймарн, Айбабин 1993: рис. 116, 3-5; рис. 90, 21, 27-29.

⁶² Веймарн, Айбабин 1993; наличие мечей: подбой 426 (рис. 75, 26); 430 (рис. 76: 20); 434 (рис. 77: 1); подбой 438 (рис. 79: 12); 482 (рис. 89: 11); 485/1 (рис. 89: 22); подбой 488 (без рис.); 495/1 (рис. 92: 16); наличие односторонних коротких мечей: 163 (рис. 14: 8, 36x4см); 496а (рис. 92: 19, 38x4см); 495/3 (рис. 92: 18, 46см); наличие крупных бусин: 422 (рис. 75: 15, горный хрусталь; 17-18, халцедон); 434 (рис. 77: 10, халцедон), 495/5 (рис. 92: 15, янтарь).

⁶³ Информация любезно предоставлена Б. Анке (Берлин); ср.: Anke (im Druck); Menghin 1994/95: 165-175, 184, Abb. 42.

⁶⁴ Подбой с «Zwiebelknopffibel» типа Келлер/Претл 3/4 D. О датировке типа: Pröttl 1988: 359 и далее.

⁶⁵ Веймарн, Айбабин 1993: склепы 14/2 (ребенок); 136; 139 (мужчина, 40-45 лет); 162/2 (муж-

Карта 4. Распространение оружия и случаев искусственной деформации черепа.

Карта 5. Распространение могил с подбоем.

ника в Скалистом. Таким образом, можно утверждать, что погребения с искусственно деформированными черепами не характерны для позднего IV в. и первой половины V в.⁶⁶ Лишь три деформированных черепа принадлежат, вероятно, к периоду второй половины VI и первой трети VII в. (склепы 214а, 356, 625).

Могилы с подбоем (карта 5)

Концентрация этих могил наблюдается в ареалах А и В⁶⁷. В ареале С известны лишь две

могилы с подбоем. Погребения с подбоем ареалов А и В хорошо определяются хронологически, т.к. они охватывают фазы от 1-й до 4-й. Лишь единичные случаи могут быть датированы концом VI — VII в.

Подбойные могилы появляются в Крыму самое позднее с конца II в., склепы с конца III в. (Айбабин 1987: 164-168). Примечательным для могильников Крыма является уменьшение количества типов могильных сооружений. Так с конца IV в. на многих могильниках представлены лишь погребения в подбоях и склепах⁶⁸.

Е. Этническая интерпретация четырех фаз развития могильника

Анализируя археологические материалы Крыма позднего IV в. с этнической точки зрения, следует учитывать переселение значительных групп черняховско-готского населения⁶⁹. Это население проявляет себя, в частности, в специфике костюма погребений склепов 421 и 485, расположенных в ареалах А и С. Согласно культурной модели римского времени, готские мужчины погребены без инвентаря и, прежде всего, без оружия (Bierbrauer 1994: 108). В этом отношении горизонт погребений мужчин с оружием первых фаз развития могильника следует рассматривать в другом культурно-историческом контексте. Их интерпретация облегчается многочисленностью погребений с оружием (длинные и короткие мечи) на могильниках IV в. в Крыму (Kazanski 1991: 494-501). Сочетаемость оружия с простыми, часто серебряными пряжками с круглой рамкой и заостренным язычком⁷⁰, а также характер могил (подбой и катакомбы) позволяет связывать это население преимущественно с сарматским и аланским этносом (Kazanski 1991: 498)⁷¹. Наряду с этими признаками характерным является отсутствие фибул на одеждах сарматских женщин IV в., хотя известны исключения⁷². Это иллюстрирует комплекс женского погребения из подбойной могилы 481, который рассматривается как сарматский. Примечательной является находка призматической подвес-

ки (признака, собственно, восточногерманского) во втором погребении склепа 421. Эта подвеска, отражающая специфически германские духовные представления, приобретает особое значение относительно этнической интерпретации (Werner 1972: 137, Abb. 3b; Bierbrauer 1994: 108).

Уже первое поколение переселившихся гот-черняховцев хоронило умерших не в традиционных простых могилах, а по мере интеграции в новую среду воспринимало местные типы погребальных сооружений. О подобной интеграции с сарматскими погребальными обычаями позволяют говорить комплексы первой фазы развития могильника в Скалистом, так как в ареалах с черняховским населением (ареалы А и С) имеются погребения мужчин с оружием. Аналогичная картина наблюдается и в других могильниках Крыма. Для первой фазы развития могильника в Скалистом совершенно четко устанавливается процесс взаимной ассимиляции/аккультурации между местным — сарматским и пришлым — готским населением, который нашел свое отражение в погребальном обряде и представлениях о потусторонней жизни⁷³.

Период эпохи Великого переселения народов ступени D2 представляет в Крыму несколько иную картину. Детали готско-германского женского костюма встречаются очень редко⁷⁴. Также и сарматские погребения мужчин с ору-

чина, senil); 214а; 356 (мужчина/мужчина); 406 (мужчина/мужчина, 40-60 лет); подбой 423 (мужчина, 40-50 лет); подбой 424 (неопределен/мужчина, 60-70 лет); 429; подбой 433 (мужчина?); 436/7 (мужчина, 30-40 лет); 449 (мужчина, 25-30 лет); 465 (мужчина/мужчина); 482 (мужчина, 60-75 лет); 495 (мужчина/мужчина); 625 (мужчина, 60-70 лет); 683 (мужчина?, 30-35 лет), подбой 748 (мужчина?, 60-70 лет). Преобладание мужчин в погребениях характерно.

⁶⁶ Об обычае искусственной деформации черепа см. Werner 1956: 12; Heinrich 1990: 91-92.

⁶⁷ Могилы: 83, 88, 115, 121, 127с, 127d, 127f, 127g, 219, 251, 271, 285а; 415, 421b, 423, 424, 426; 431; 438, 440, 441, 442, 445, 447а, 448, 463, 466, 481, 487, 489, 490, 496а, 525, 748, 750, 752, 754.

⁶⁸ Засецкая 1994 (Керчь); Веймарн 1963 (Инкерман); Лобода 1992 (Красный Мак); Лобода 1977 (Озерное III).

⁶⁹ Von der Lohe (in Druck); Tejral 1986: 223 (пряжки и фибулы); Kokowski 1996: 181-183 (фибулы); Spottliwy 1996: 108, Abb. 2, 3 (гребни); Werner 1972: 137, Abb. 3b (пирамидальные подвески).

⁷⁰ Веймарн 1963 (Инкерман: комплексы 31, 36, 37 и 43).

⁷¹ Такие погребения в III — IV вв. могут также принадлежать герулам.

⁷² Например, хорошо документированный комплекс из Дружного: (относительно богатое погребение сарматки, с лучковой сарматской фибулой, на которую было надето серебряное кольцо) (Храпунов 1995: 540, рис. 1, 13; 4, 10; Chrapunov 1995: 183, fig. 33).

⁷³ См. начало этого раздела (результаты картографирования).

⁷⁴ Керчь, склеп 165.3/1904: Засецкая 1993: табл. 53, 278-286; Засецкая 1994: 127, рис. 2, 3 а,с-d,f; Bierbrauer 1989: 141, 156, Abb. 4 (фибулы типа Братей/Высков).

жием единичны. Погребения женщин характеризуются стандартизованным составом комплекса украшений. Учитывая данные горизонтальной стратиграфии могильника в Скалистом, без изменений остается только обычай помещения напитков и еды в могилу (кувшины и миски). В то же время в смежных с Юго-Западным Крымом областях, в частности, в степной зоне, совершенно определенно преобладают кочевнические погребения (Айбабин 1993а: рис. 1; Засецкая 1994: 222, карта 1).

Кардинально картина изменяется с середины V в. Особенно следует подчеркнуть появление в Скалистом погребений с деформированными черепами (обычай, воспринятый из кочевнической среды и, возможно, отражающий культурно-политическое соотношение сил на этапе D2), которые, отвлекаясь от отдельных случаев конца VI — VII в., также как и комплексы с зеркалами с центральной петлей, исчезают уже в конце V и начале VI в. В этом временном контексте следует рассматривать и прекращение бытования обычая класть оружие в могилы мужчин Юго-Западного Крыма. С другой стороны, наличие фибул типа Прша-Левице говорит о том, что женщин вновь погребают в «надрегиональной» восточногерманской одежде. Осуществлялось ли ношение больших фибул с подтреугольной и полукруглой пластиной хронологически синхронно или несколько позже, с хронологической точки зрения пока остается неясным. Тем не менее, совершенно определенно, что с периода последней трети V в. в Суук-Су, Скалистом и в других синхронных могильниках значительная часть женщин погребалась в традиционной крымско-готской (восточногерманской) одежде. Возрождение обычая захоронения в такой одежде не может быть связано с обратной иммиграцией (т.н. готская реэмиграция) или импортом фибул из Среднего Подунавья в первой половине VI в. в связи с участием отрядов итальянских готов в укреплении позднеантичных центров Крыма во времена Юстиниана I⁷⁵. Это подтверждает иная конструкция фибул Среднего Дуная, а также непрерывность демографического развития могильников в Скалистом и Суук-Су.

Для периода последней трети V и всего VI в. погребальный инвентарь женских могил Суук-Су и Скалистого обнаруживает определенное сходство. Для этого периода в Суук-Су известно 22 могилы женщин с парными фибулами, в Скалистом же зафиксировано только семь фибульных погребений (что, возможно, связано с состоянием источников для этого могильника)⁷⁶.

⁷⁵ Kazanski 1993: 223-231 с обзором восточноевропейской историографии этой проблемы, от которой он отказывается, но все же использует.

⁷⁶ Погребения с фибулами в Суук-Су: могилы 5/2; 28; 46/2; 55/1; 56/3; 56/5; 59/3; 61; 67/1; 77/1; 86/1; 87; 89; 90/1; 91; 124; 131/1; 154/1; 155/1; 162/1; 196; 198; в Скалистом: склепы 406, 449/?, 449/?, 420/1, 420.3, 218, 279.

Из закрытых комплексов женских погребений в Суук-Су 12 содержат большие поясные застежки, но не имеют фибул. В материалах Скалистого подобных погребений оказалось 16⁷⁷. Хотя нельзя исключать процесс видоизменения костюма⁷⁸, учитывая закрытые комплексы в Суук-Су и Скалистом, где пряжки связаны с деформированными черепами или подобными могилами, возможно предполагать использование двух различных моделей одежды⁷⁹. Подтверждается это предположение обособленным размещением подобных погребений, в частности, в северо-восточном ареале Суук-Су.

Северо-западный ареал Е могильника в Скалистом в хронологическом и этническом отношении анализировать достаточно трудно. Характерным является преобладание склепов, безынвентарность погребений и отдельные случаи подобной погребений, иногда с деформированными черепами. Это указывает на этническую однородность населения, которое отвечает средиземноморско-византийской культурной модели и которое, соответственно, возможно рассматривать как христианизированное местное греко-романское население (Riemer 1992: 181-218; Bierbrauer 1996: 111 и далее). Эта картина имеет место и на частично исследованном городском могильнике Херсонеса, где преимущественно исследованы безынвентарные погребения в склепах (Шкорпил 1903; 1905; 1907; 1909; 1910; 1911; 1913)⁸⁰.

Заключение

Таким образом, анализ развития могильника в Скалистом позволяет получить достаточно полную и многостороннюю картину культурного, политического и этнического развития Крыма с конца IV и до середины VI в.

Начало могильника в Скалистом совершенно определенно связано с двумя различ-

⁷⁷ Погребения с пряжками, но без фибул в Суук-Су: могилы 49; 71/2; 73; 78/2; 82; 112/1; 117/1; 143/1; 153/2; 164; 169/1; 193; Скалистое: подбои 433 и 748; склепы 5; 107/2; 138; 163; 288; 325; 403/3; 418; 683; без полной уверенности (фрагменты пряжек по сообщениям авторов: Веймарн, Айбабин 1993: 169 и далее): склепы 228а; 371; 381; 430; 525.

⁷⁸ Погребения с парными фибулами без пряжек в Суук-Су (вторая половина VI в.): могилы 5/2; 55/1; 59/3; 87. К этой же проблеме о возможности археологических источников: Bierbrauer 1980b: 93. Также об эволюции германской одежды в процессе аккультурации, в частности, в романско-средиземноморской среде в VI - VII вв.: Martin 1994: 545 и далее.

⁷⁹ В Суук-Су: погр. 73 (деформация черепа) и 82 (деформация черепа); в Скалистом: 433 (деформация черепа и могила с подбоем); 748 (деформация черепа и могила с подбоем); 683 (деформация черепа).

⁸⁰ О непрерывности греко-романского населения в Боспоре, Тиритаке, Китее (Керченский полуостров) и Фанагории, Кепях и Гермонасе (Таманский полуостров) в V и VI вв. см. Гайдукевич 1971: 497.

ными этносами — сарматами и готами. Уже на первой фазе начались процессы интеграции, которые нашли отражение также и в религиозных представлениях (сооружение могил, амулеты). Этнически смешанные ареалы А и С подчеркивают это развитие (распределение могил с оружием), которое выражается также в использовании единообразной керамики. Ареал В, который, вероятно, был основан сарматским населением, развивается в материальном и временном отношении синхронно с ареалами А и С. В первой половине V в. значительное воздействие на население, оставившее могильник, очевидно, оказала гегемония кочевников — гуннов. Вероятно, только с середины V в. начинает функционировать ареал D. И в данном случае речь не должна идти о притоке новых групп населения.

В это время заканчивается процесс объединения сарматского и готского населения. Примечательно, что женское население с середины — второй половины V в. переходит к унифицированной поясной гарнитуре, которую можно рассматривать, как своеобразный общезтнический символ. Тем не менее, относительно обычная ношения фибул в женских моделях одежды для ареалов могильника А-D (до конца VI в.) устанавливается совершенно отчетливое различие (убор с фибулами — готский; убор без фибул — сарматский). С процессом этногенеза связан также тот факт, что мужские погребения V в. безынвентарны, в частности, не содержат оружия. Только с середины VI в. эта картина меняется, т.к. в это время в мужских погребениях Юго-Западного Крыма впервые появляются новые типы византийской «воинской гарнитур»⁸¹. В Скалистом и Суук-Су, как в других могильниках, также наблюдаются изменения в инвентарных комплексах мужских погребений, которые не следует связывать с привлечением византийского населения (Csallany 1962: 73-76), а может расцениваться как дальнейший процесс замкнутого этногенеза.

Лишь немногие факты указывают на то, что на могильнике Скалистое развитие участка Е было схожим с развитием ареалов А-D. Учитывая общее время существования и тенденции пространственного развития могильника, отмеченное выше явление вполне вероятно. Наряду с сарматским и готским населением на могильнике производило захоронения и греко-романское население. В какой мере это автохтонное население принимало участие в этногенетических процессах с конца IV и до середины VI в., по материалам могильника в Скалистом пока ответить затруднительно⁸².

Как могут соотноситься археологические материалы с историческими событиями (Schwarcz 1986: 124)? К сожалению, в нашем распоряжении очень немного письменных источников, освещающих историю готов в Крыму, к тому же их свидетельств не всегда однозначны и понятны (Schmidt 1930). Наиболее известным и весьма важным является указание Прокопия от 488 года о привлечении Теодорихом крымских готов к участию в походе на Италию (Prokop, De aedificiis 3,7). Хотя Прокопий писал свой труд «De aedificiis» около 560 г. (Demandt 1989: 28), тем не менее в правдивости его сведений сомневаться не приходится (Schmidt 1930: 332, 334; Vasiliev 1936: 40; Wolfram 1979: 347). В частности, Прокопий указывает на территорию обитания готов в Крыму со столицей «Дори» («...где готы живут издавна») для времени конца V в. (Prokop, De aedificiis III 7, 13). Это хорошо согласуется с археологической ситуацией в Юго-Западном Крыму, где сконцентрированы многочисленные памятники конца V — VI в. (Vasiliev 1936: 43; Айбабин 1990: 175, рис. 1).

Таким образом, нет сомнений в том, что собственно готы Юго-Западного Крыма, зафиксированные Прокопием в V в., сформировались на основе местного сарматского и пришлого черняховского-готского населения в конце IV в. Позднее, около 488 года, это население определяется уже как готское⁸³.

Ф. Некоторые замечания о периоде VI — начала VIII в.⁸⁴

Как уже отмечалось выше, первая половина VI в. характеризуется появлением орлиноголовых пряжек, а также литых пряжек, орнаментирован-

ных витой спиралью. Трапециевидные золотые чеканные бляшки, появление которых связано с орлиноголовыми пряжками, и конусообразные

⁸¹ Кропоткин 1965 (Чуфут-Кале); Репников 1906; 1907; 1909 (Суук-Су); Веймарн, Айбабин 1993 (Скалистое). В работе Somogyi 1987: 136-137 использованы находки из Крыма, хотя речь идет о «византизации» женской одежды, в частности, о появлении византийских пряжек типа Сучидава.

⁸² Об этих процессах на вестготском могильнике Дуратон в Испании см. Bierbrauer 1980b: 92 и далее.

⁸³ В восточноевропейских исследованиях уже давно исследуются эти этногенетические процессы, правда, в несколько иных хронологических рамках и с учетом среднедунайских влияний. Один из последних выводов представлен в работе М. Казанского (Kazanski 1993: 212): «...население, оседавшее в Крыму и в прибрежной зоне Кавказа, имело чрезвычайно смешанный состав с большой долей участия не-германского, в основном алано-сарматского, элемента. [...] Тем не менее, очень важен тот факт, что, по крайней мере, в некоторых случаях это население признавало себя готами; например, в области Дори в Юго-Западном Крыму...». Также: Амброс 1994: 75.

⁸⁴ Здесь на основе нескольких характерных типов вещей можно лишь приблизительно наметить контуры относительной хронологии развития могильника в Скалистом. Картирование этих находок, обсуждение этапов развития могильника и этнических изменений из-за ограниченного объема статьи здесь рассматриваться не будет. См.: von der Lohe 1995.

бронзовые колокольчики фиксируют расширение ареала D в северо-восточном направлении. Впервые появляются небольшие литые серебряные фибулы с полукруглой пластиной (около 8-10 см). Развитие и, вместе с тем, постоянство погребенного на могильнике населения в ареалах A-D остается непрерывным. Особенно характерным в этих ареалах для середины и второй половины VI в. является появление унифицированной обувной и многочастной поясной гарнитуры так называемого геральдического стиля (Амброз 1973: 288). Пряжки и обоймы этой гарнитуры определяются понятием «зооморфные» или же «типа Мартыновка» (Somogyi 1987: 121 и далее; Balint 1992: 389-415). Восточнее ареала D возникает новый участок могильника. Характерно, что теперь впервые мужчины погребаются с унифицированной поясной гарнитурой. Подобная картина также наблюдается и в Суук-Су. Планиграфия Скалистого и Суук-Су свидетельствует в пользу того, что пряжки типа Сучидава и их варианты следует связывать именно с этим хронологическим горизонтом развития могильников. Так же, как и упомянутые выше литые фибулы группы II по Вернеру, которые в Скалистом представлены только двумя экземплярами.

Элементы многочастных поясных наборов, пряжки типа Сиракуз и Коринф характерны в Скалистом для периода конца VI — первой половины VII в. (Werner 1955; 1974)⁸⁵ На этой фазе также впервые появляются серьги типа Сегвар (Balint 1993: 217-218, 257, 258). Пряжки с крестообразными обоймами, различные варианты пряжек типа Салона-Истрия, типы Болонья/Балгота и Трапезунт следует также

связывать с этой фазой.

Крымские готы ареалов A-C в период позднего VI в. погребают мертвых преимущественно без инвентаря. Возможно, это указывает на начавшийся процесс христианизации. На этом этапе прослеживаются изменения в конструкции могил, что можно связать с иммиграционными процессами (von der Lohe 1995: 91). Появившиеся новые формы византийских украшений (различные типы сережек с подвесками), сервизы для питья, представленные кувшинами-ойнохоями, тюльпановидными стеклянными кубками и др., характеризуют это население как восточно-средиземноморское, византийское, и, судя по находкам энколпионов и надгробных камней с крестами, без сомнения, христианское (Bierbrauer 1996: 111)⁸⁶. Именно это население продолжило расширение могильника в ареалах A-E.

Следующая фаза развития могильника, в частности, характеризуется византийскими или византизированными формами пряжек, для которых характерны сплошные и отдельные U-образные обоймы преимущественно с растительным орнаментом, которые в Скалистом пространственно отделены от византийских пряжек предыдущей фазы⁸⁷.

Для комплексов последней фазы развития могильника характерными стали пряжки так называемого салтовского типа, которые планиграфически хорошо разграничены с пряжками с U-образными обоймами⁸⁸. Учитывая окраинное положение таких находок, можно утверждать, что они маркируют окончание функционирования могильника в Скалистом началом VIII столетия⁸⁹.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамова М.П. 1993. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. — IV в. н.э.). М.
 Айбабин А.И. 1979. Погребения второй половины V — первой половины VI в. в Крыму // КСИА, вып. 158. С. 22-34.
 Айбабин А.И. 1982. Погребения конца VII — первой половины VIII в. в Крыму // Древности эпохи великого переселения народов V — VIII веков. М. С. 165-192.
 Айбабин А.И. 1984. Проблемы хронологии могильников Крыма позднеримского периода // СА № 1. С. 104-122.
 Айбабин А.И. 1985. Погребение хазарского воина // СА № 3. С. 191-205.
 Айбабин А.И. 1987. Этническая принадлежность могильников Крыма IV — первой половины VII вв. н.э. // Материалы к этнической истории Крыма. Киев. С. 164-198.
 Айбабин А.И. 1990. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ, вып. 1. С. 4-86.
 Айбабин А.И. 1993. Могильники VIII — начала X вв. в Крыму // МАИЭТ, вып. 3. С. 121-134.
 Айбабин А.И. 1993а. Погребения кочевнической знати в Крыму конца IV-VI вв. // МАИЭТ, вып. 3. С. 206-211.

- Айбабин А.И. 1995. Комплексы с большими двуплестинчатыми фибулами из Лучистого // МАИЭТ, вып. 4. С. 132-173.
 Амброз А.К. 1968. Дунайские элементы в раннесредневековой культуре Крыма (VI-VII вв.)

⁸⁵ Ср. важные находки на Самоце (Martini, Steckner 1993: 119-131) с многократно использованными камерными погребениями, где найдены литые пряжки, близкие Скалистому (с крестообразными обоймами и пряжки типа Салона-Истрия), идентичные тюльпановидные кубки, а также энколпионы. Эти погребения хорошо датированы находками монет первой половины — середины VII в. Подобные радикальные изменения зафиксированы и в Скалистом, однако авторы публикации связали их не с притоком нового населения, а с процессом христианизации «алано-готов», который датируют периодом с первой половины VIII в. (Веймарн, Айбабин 1993: 198).

⁸⁷ Ср. с этим горизонтом датировку византийской поясной гарнитуры из Врапа и Эрсеке: Werner 1989: 63 и далее (середина VII в.); Fiedler 1996: 260 (вторая половина VII в.).

⁸⁸ Ср.: Айбабин 1993: 133, рис. 2 (группа III/IV с датировкой VIII/IX — конец IX в.). Ч. Балинт относит завоевание Крыма хазарами к концу VII — началу VIII в. (Balint 1989: 44-73, 76).

⁸⁹ Авторы публикации конечную дату могильника связывают с салтовским горизонтом и относят к IX в. (Веймарн, Айбабин 1993).

⁸⁵ О многочастных поясах: Martin 1990: 66; о византийских и итальянских поясных пряжках: Riemer 1992: 119-146.

- // КСИА, вып.113. С. 10-23.
- Амброз А.К. 1971. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. Часть I // СА. № 2. С. 96-123.
- Амброз А.К. 1971а. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы Часть II // СА. № 3. С. 106-134.
- Амброз А.К. 1973. Рецензия на книгу: I.Erdelyi, E. Ojtozi, W.Gening, Das Graberfeld von Nevolino. Budapest, 1963. // СА. № 2. С. 288-298.
- Амброз А.К. 1973а. Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель 6-7 вв. // СА. № 4. С. 81-98.
- Амброз А.К. 1982. О двухпластинчатых фибулах с накладками — аналогии к статье А.В. Дмитриева // Древности эпохи великого переселения народов V-VIII веков. М.
- Амброз А.К. 1989. Хронология древностей Северного Кавказа. М.
- Амброз А.К. 1995. Юго-Западный Крым. Могильники IV-VII вв. // МАИЭТ, вып. 4. С. 31-89.
- Борисова ВВ. 1959. Могильник у высоты «Сахарная Головка» // Хсб, вып. 5. С. 169-190.
- Веймарн Е.В. 1963. Археологічні роботи в районі Інкермана // Археологічні пам'ятки УРСР, т. 13. С.15-42.
- Веймарн Е.В. 1979. Скалистинский склеп 420 // КСИА, вып. 158. С. 34-37.
- Веймарн Е.В., Айбабин А.И. 1993. Скалистинский могильник. Киев.
- Дмитриев А.В. 1982. Раннесредневековые фибулы из Дюрсо // Древности эпохи великого переселения народов V-VIII веков. М. С. 69-107.
- Засецкая И.П. 1993. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV — первой половины V вв. н.э. // МАИЭТ, вып. 3. С. 23-105.
- Засецкая И.П. 1994. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV — V вв.). Санкт-Петербург.
- Зубар В.М. 1978. Склепы з нішами-лежанками з некрополя Херсонеса // Археологія, 28. С. 36-45.
- Зубарь В.М. 1982. Некрополь Херсонеса Таврического I-IV вв. Київ.
- Зубар В.М., Костромічева Т.М. 1978. Склеп № 2 з некрополя Херсонеса // Археологія, 27. С. 36-45.
- Зубар В.М., Магомедов Б.В. 1981. Нові дослідження середньовічних поховань Херсонеса // Археологія, 36. С. 71-79.
- Зубар В.М., Рижов С.Г. 1983. Розкопки західного некрополя Херсонеса // Археологія, 39. С. 77-87.
- Корпусова В.М. 1973. Сільське населення пізньоантичного Боспору // Археологія, 8. С. 27-45.
- Кропоткин ВВ. 1965. Могильник Чуфут-Кале в Крыму // КСИА, вып. 100. С.108-115.
- Лобода И.И. 1976. Новые раннесредневековые могильники в Юго-Западном Крыму // СА. № 2. С.135-147.
- Лобода И.И. 1977. Раскопки могильника Озерное III в 1963-1965 гг. // СА. № 4. С.236-252.
- Лобода И.И. 1992. Исследования могильника IV-V вв. в с. Красный Маяк // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. Симферополь. С.121-130.
- Лобода И.И., Богданова Н.А., Гущина И.И. 1976. Могильник Скалистое III в Юго-Западном Крыму (I-III вв.) // СА. № 4. С.121-130.
- Лобода И.И., Чорев М.Я. 1974. Вновь открытый в Бельбекской долине раннесредневековый могильник // КСИА, вып. 140. С. 100-102.
- Пудовин В.К. 1961. Датировка нижнего слоя могильника Суук-Су (550-650 гг.) // СА. № 1. С. 177-185.
- Рафалович И.А. 1986. Данчены. Могильник черняховской культуры. Кишинев.
- Репников Н.И. 1906. Некоторые могильники области крымских готов // ИАК, вып. 19. С.1-80.
- Репников Н.И. 1907. Некоторые могильники области крымских готов // ЗООИД, вып. 27. С.101-148.
- Репников Н.И. 1909. Разведки и раскопки на Южном Берегу Крыма и в Байдарской долине в 1907 году // ИАК, вып.30. С. 99-126.
- Сазанов А.В. 1995. Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневизантийского времени // МАИЭТ, вып. 4. С. 406-434.
- Храпунов И.Н. 1995. Погребение середины III в. н.э. из могильника Дружное // МАИЭТ, вып. 4. С.529-545.
- Шкорпил ВВ. 1903. Отчет об археологических раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1901 г. // ИАК, вып. 7-9. С. 73-177.
- Шкорпил ВВ. 1905. Отчет о раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1903 г. // ИАК, вып. 17. С.1-76.
- Шкорпил ВВ. 1907. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1904 г. // ИАК, вып. 25. С.1-66.
- Шкорпил ВВ. 1909. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1905 г. // ИАК, вып. 30. С.1-50.
- Шкорпил ВВ. 1910. Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1907 г. // ИАК, вып. 35. С. 12-47.
- Шкорпил ВВ. 1911. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1908 г. // ИАК, вып. 40. С. 62-91.
- Шкорпил ВВ. 1913. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1909 г. // ИАК, вып. 47. С. 1-41.
- Якобсон А.Л. 1959. Раннесредневековый Херсонес // МИА. № 63. С. 63-364.
- Ajbabin A. 1994. I Goti in Crimea (secoli V-VII). // I Goti. Milano. P. 110-135.
- Anke B. (im Druck). Studien zur reiternomadischen Kultur des 4. bis 5. Jahrhundert. Berlin.
- Bálint Cs. 1989. Die Archäologie der Steppe. Steppenvölker zwischen Wolga und Donau vom 6. bis zum 10. Jahrhundert. Wien, Köln.
- Bálint Cs. 1992. Der Gürtel im frühmittelalterlichen Transkaukasus und das Grab von Üç Tepe // Awarenessforschungen I. Wien. S. 309-496.
- Bálint Cs. 1993. Probleme der archäologischen Forschung zur awarischen Landnahme // Ausgewählte Probleme der europäischen Landnahmen des Frühund Hochmittelalters I, Vorträge und Forschungen 41. Sigmaringen. S. 195-273.
- Bierbrauer V. 1971. Zu den Vorkommen ostgotischer Bügelfibeln in Raetia II. // Bayer. Vorgeschbl. 36. S. 131-165.
- Bierbrauer V. 1975. Die ostgotischen Grabfund Schatzfunde in Italien. Spoleto.
- Bierbrauer V. 1980a. Zur chronologischen, soziologischen und regionalen Gliederung des ostgermanischen Fundstoffs des 5. Jahrhunderts in Südosteuropa // Die Völker an der mittleren und unteren Donau im fünften und sechsten Jahrhundert. Symposium Stift Zwettl 1978. Wien. S. 131-142.
- Bierbrauer V. 1980b. Frühgeschichtliche Akkulturationskomplexe in den germanischen Staaten am Mittelmeer (Westgoten, Ostgoten, Langobarden) aus der Sicht des Archäologen // Atti del 6° congresso Internazionale di Studi sull'alto Medioevo, Milano 1978. Spoleto. S. 89-105.
- Bierbrauer V. 1985. Das Reihengräberfeld von Altenerding in Oberbayern und die bajuwarische Ethnogenese — eine Problemskizze // Zeitschr. Arch. Mittelalter 13. S. 7-25.
- Bierbrauer V. 1987. Invillino-Ibligo in Friaul I. Die römische

- Siedlung und das spätantik-frühmittelalterliche Castrum // Münchner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte 33.
- Bierbrauer V. 1989. Bronzene Bügelfibeln des 5. Jahrhunderts aus Südosteuropa // Jahresschr. Mitteldt. Vorgesch. 72. S. 141-160.
- Bierbrauer V. 1991. Das Frauengrab von Castelbolognese in der Romagna (Italien). Zur chronologischen, ethnischen und historischen Auswertbarkeit des ostgermanischen Fundstoffs des 5. Jahrhunderts in Südosteuropa und Italien // Jahrb. RGZM 38 (1995). S. 541-592.
- Bierbrauer V. 1992. Historische Überlieferung und archäologischer Befund. Ostgermanische Einwanderer unter Odoaker und Theoderich nach Italien. Aussagemöglichkeiten und Grenzen der Archäologie // Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latenezeit bis zum Frühmittelalter, Symposium Karniowice bei Krakau 1990. Kraków. S. 263-277.
- Bierbrauer V. 1994. Archäologie und Geschichte der Goten vom 1.-7. Jahrhundert. Versuch einer Bilanz // Frühmittelalterl. Studien 28. S. 51-171.
- Bierbrauer V. 1996. Romanen im fränkischen Siedelgebiet // Die Franken, Wegbereiter Europas. Ausstellungskatalog Mannheim. Mainz. S. 110-120.
- Bóna I. 1990. Völkerwanderung und Frühmittelalter (271-895). // Kurze Geschichte Siebenbürgens. Budapest. S. 62-106.
- Bortoli-Kazanski A., Kazanski M. 1987. Les sites archéologiques datés du IVe au VIIe siècle au nord et nord-est de la Mer Noire: État des recherches // Travaux et memoires, 10. Pp. 437-489.
- Chrapunov I.N. 1995. Chrapunov Necropoli di Družnoe, distretto di Simferopol // Dal Mille al Mille. Tesori e popoli dal Mar Nero. Katalog, Rimini 1995. Milano. S. 180-186.
- Cnotliwy E. 1996. Der Herkunftsursprung der Kämmen aus Bitola (Heraclea Lyncestis) in der Republik Makedonija // Studia Gothica 1. S. 101-109.
- Csallany D. 1962. Byzantinische Schnallen und Gürtelbeschläge mit Maskenmuster // Acta Antiqua Hung. 10. S. 55-77.
- Damm I. 1988. Goldschmiedearbeiten der Völkerwanderungszeit aus dem nördlichen Schwarzmeergebiet. Katalog der Sammlung Diergardt 2 // Kölner Jahrb. Vor- und Frühgesch. 21. S. 65-210.
- Demandt A. 1989. Die Spätantike. Römische Geschichte von Diocletian bis Justinian 284-565 n. Chr. Handbuch der Altertumswissenschaft III.6. München.
- Diaconu G. 1965. Tîrghşor, Necropola din secolele III-IV e.n. Bucureşti.
- Fiedler U. 1992. Studien zu Gräberfeldern des 6. bis 9. Jahrhunderts an der unteren Donau. Bonn.
- Fiedler U. 1996. Die spätawarenzeitlichen Gürtelbestandteile vom Typ Vrap-Erseke aus Velino (Bez. Varna, Bulgarien) // Germania 74. S. 248-264.
- Gajdukevič V.F. 1971. Das Bosporanische Reich. Berlin, Amsterdam.
- Götze A. 1907. Gotische Schnallen. Berlin.
- Gomolka-Fuchs G. 1995. Die Kleinfunde und ihre Aussagen zur Bevölkerung von Iatrus // Iatrus-Krivina Bd. 5. Studien zur Geschichte des Kastells Iatrus. Berlin. S. 81-105.
- Harhoiu R. 1994. La Romania all'epoca degli Ostrogoti // I Goti. Katalog. Milano. S. 154-163.
- Hayes J.W. 1972. Late Roman Pottery. London.
- Heinrich A. 1990. Ein völkerwanderungszeitliches Gräberfeld bei Mitterhof, GB Laa an der Thaya, Niederösterreich // Arch. Austriaca 74. S. 85-104.
- Ioniță I. 1986. Chronologie der Sîntana-de-Mureş-Černjachov-Kultur // Peregrinatio gothica (Archaeologia Baltica, VII). S. 295-351.
- Ioniță I. 1992. Die Fibeln mit umgeschlagenem Fuß in der Sîntana-de-Mureş-Černjachov-Kultur // Peregrinatio Gothica III. Kongreß Fredrikstad 1991. Oslo. S. 77-90.
- Kazanski M. 1984. A propos de quelques types de fibules ansées de l'époque des grandes invasions trouvées en Gaule // Arch. Médiévale (Paris) 14. P. 7-27.
- Kazanski M. 1991. Contribution à l'histoire de la défense de la frontière pontique au Bas-Empire // Travaux et Memoires 11 (Paris). P. 487-526.
- Kazanski M. 1992. Les Goths et les Huns. A propos des relations entre le Barbares sédentaires et les nomades // Archéologie Médiévale (Paris) 22. P. 191-229.
- Kazanski M. 1993. The sedentary elite in the «empire» of the Huns and its impact on material civilisation in Southern Russia during the early middle ages (5th-7th century AD) // Cultural transformations and its interactions in Eastern Europe. Avebury. P. 211-235.
- Kazanski M. 1994. Les plaques-boucles méditerranéennes des V.-VI. siècles // Arch. Médiévale (Paris) 24. P. 137-198.
- Kazanski M., Legoux R. 1988. Contribution à l'étude des témoignages archéologiques des Goths en Europe orientale à l'époque des Grandes Migrations: La chronologie de la culture de Černjahov récente // Archéologie Médiévale (Paris) 18. P. 7-53.
- Kokowski A. 1991. Lubelszczyzna w młodszy okresie przedrzymskim i w okresie rzymskim. Lublin.
- Kokowski A. 1993. Gródek nad Bugiem. Cmentarzysko grupy masłomeckiej. T. I-III. Lublin.
- Kokowski A. 1996. O tak zwanych blaszanych fibulach z półokrągłą płytą na głowce i rombowałą nóżką // Studia Gothica. 1. S. 153-184.
- Kühn H. 1974. Die Germanischen Bügelfibeln der Völkerwanderungszeit in Süddeutschland. Teil II, Bd 2. Graz.
- von der Lohe K. 1995. Das Gräberfeld von Skalstoe. Untersuchungen zur Belegungsabfolge und Struktur. Mag. München.
- von der Lohe K. (in Druck). Das Gräberfeld von Inkerman. Überlegungen zur Struktur, Chronologie und Bevölkerung // Die späte Kaiserzeit in Mittel- und Osteuropa. Łódź.
- Martin M. 1990. Awarische und germanische Funde in Männergräbern von Linz-Zizlau und Környe. Ein Beitrag zur Chronologie der Awarenzeit // A Wosinsky Mór Muzeum Évkönyve, 15. S. 65-90.
- Martin M. 1991. Zur frühmittelalterlichen Gürteltracht der Frau in der Burgundia, Francia und Aquitania // L'art des invasions en Hongrie et en Wallonie. Kolloquium Mariemont 1979. Mariemont. S. 31-84.
- Martin M. 1994. Fibel und Fibeltracht // RGA 8. S. 541-582.
- Martini W., Steckner C. 1993. Das Gymnasium von Samos. Das frühbyzantinische Klostergut // Samos. Bd. 17. Bonn.
- Menghin W. 1994/95. Schwerter des Goldgriffspathenhorizontes im Museum für Vor- und Frühgeschichte Berlin // Acta Praehistorica et Archaeologica 26/27. S. 140-191.
- Prokop, De aedificiis Prokop: Werke. Griechisch-Deutsch ed. O. Veh, 5. Die Bauten. München 1977.
- Pröttl Ph. 1988. Zur Chronologie der Zwiebelknopffibeln // Jahrb. RGZM 35 (1991). S. 347-372.
- Quast D. 1993. Die merowingerzeitlichen Grabfunde aus Gültlingen // Forschungen und Berichte zur Vor- und Frühgeschichte in Bad.-Württemberg 52. Stuttgart.
- Riemer E. 1992. Romanische Grabfunde des 5. bis 8.

- Jahrhunderts in Italien. Diss. Druck. Bonn.
- Rusu M. 1959. Pontische Gürtelschnallen mit Adlerkopf (VI.-VII. Jh. u.Z.) // *Dacia*, 3. S. 485-523.
- Schmidt L. 1930. Zur Geschichte der Krimgoten // *Schuhmacher Festschrift*. Mainz. S. 332-336.
- Schwarz A. 1986. Bemerkungen zum historischen Forschungsstand in der Geschichte der Goten vom 4. Bis zum 8. Jahrhundert n.Chr. // *Peregrinatio gothica* (Archaeologia Baltica. VII). S. 105-124.
- Somogyi P. 1987. Typologie, Chronologie und Herkunft der Maskenbeschläge // *Arch. Austriaca* 71. S. 121-154.
- Tejral J. 1986. Fremde Einflüsse und kulturelle Veränderungen nördlich der mittleren Donau zu Beginn der Völkerwanderungszeit // *Peregrinatio gothica* (Archaeologia Baltica. VII). S. 175-238.
- Tejral J. 1988a. Zur Chronologie und Deutung der südöstlichen Kulturelemente in der frühen Völkerwanderungszeit Mitteleuropas // *Die Völkerwanderungszeit im Karpatenbecken*. Kolloquium Treuchtlingen 1987. Nürnberg. S. 11-46.
- Tejral J. 1988b. Zur Chronologie der frühen Völkerwanderungszeit im mittleren Donauraum // *Arch. Austriaca* 72. S. 223-304.
- Tejral J. 1992. Einige Bemerkungen zur Chronologie der späten römischen Kaiserzeit in Mitteleuropa // *Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latenezeit bis zum Frühmittelalter*. Symposium Karniowice bei Krakau 1990. Kraków. S. 227-248.
- Treasure 1989. *Treasure of Khan Kubrat*. Culture of Bulgars, Khazars, Slavs. Katalog. Sofia.
- Vagalinski L.F. 1994. Zur Frage der ethnischen Herkunft der späten Strahlenfibeln (Finger- oder Bügelfibeln) aus dem Donau-Karpaten-Becken (M.6.-7.Jh.) // *Zeitschrift für Archäol.* 28. S. 261-305.
- Varsik V. 1992. Byzantinische Gürtelschnallen im mittleren und unteren Donauraum im 6. und 7. Jahrhundert // *Slovenska Arch.* 40. S. 77-108.
- Vasiliev A.A. 1936. *The Goths in the Crimea*. Cambridge.
- Vinski Z. 1968. Adlerschnallenfunde in Jugoslawien // *Liber Iosepho Kostrzewski Octogenario A Veneratoribus Dicatus*. Wroclaw, Warszawa, Krakow. S. 314-325.
- Werner J. 1950. Slawische Bügelfibeln des 7. Jahrhunderts // *Reinecke Festschrift*. Mainz. S. 150-172.
- Werner J. 1955. Byzantinische Gürtelschnallen des 6. und 7. Jahrhunderts aus der Sammlung Diergardt // *Kölner Jahrb. Vor- und Frühgesch.* 1. S. 36-48.
- Werner J. 1956. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München.
- Werner J. 1959. Studien zu Grabfunden des V. Jahrhunderts aus der Slowakei und der Karpatenukraine // *Slovenska Archeologia* 7. S. 422-438.
- Werner J. 1964. Herkuleskeule und Donar-Amulett // *Jahrb. RGZM* 11. S. 176-197.
- Werner J. 1972. Zwei prismatische Knochenanhänger («Donar-Amulette») von Zlechov // *Časopis Moravskeho Musea/Acta Musei Moraviae* 57. S. 133-140.
- Werner J. 1974. Nomadische Gürtel bei Persern, Byzantinern und Langobarden // *La Civiltà dei Longobardi in Europa*. Roma. S. 109-139.
- Werner J. 1989. Der Schatzfund von Vrap in Albanien. Beiträge zur Archäologie der Awarenzeit im mittleren Donauraum // *Studien zur Archäologie der Awaren* 2. Wien.
- Wolfram H. 1979. *Geschichte der Goten*. München.
- Zasetskaja I.G. 1994. Cripite della necropoli tardo-antica del Bosforo (Cimmerio) (ultimo quarto del IV — prima metà del V secolo d.C.). // *I Goti*. Milano. S. 114-129.